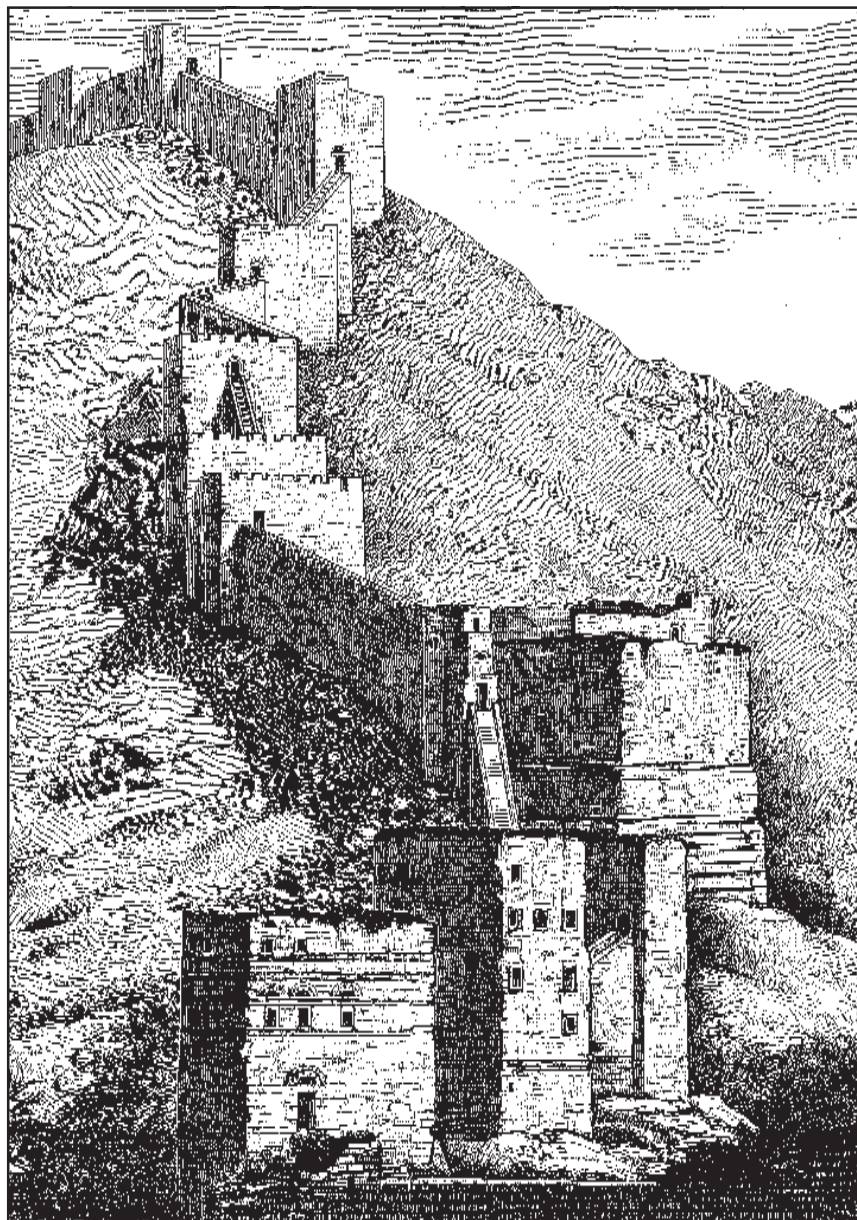

Книга третья

От начала крестовых походов до Рудольфа Габсбурга
(1096–1273)

Сохранившиеся укрепления Антиохии. С фотографии XIX в.

ГЛАВА ПЕРВА

Первые крестовые походы.— Италия и Германия в царствование Генриха V, Лотаря Саксонского и Конрада Штауфена

Замечательное и богатое последствиями движение, известное под названием *крестовых походов*, составляет один из эпизодов великой борьбы между Востоком и Западом, которая, лишь меняя вид и окраску, проходит через всю историю и в которой то Восток, то Запад принимают на себя наступательную роль. Как христианство, так и ислам заявляли свои притязания на всемирное религиозное господство. По внешности и вследствие заимствования христианских идей исламом у них было много общего, но все же они в основном исключали друг друга и их отношения могли быть только враждебными. На Западе в конце XI в. победа в борьбе осталась за христианством — мусульмане должны были очистить Сицилию. Последняя их твердыня в Галлии, Фраксинет, была взята и разорена местными жителями вскоре после смерти Оттона I. Они вытеснились и из Испании. Но на Востоке дела приняли угрожающий оборот для христианства и его передового поста — Восточной Римской империи. Тюркское племя, называвшееся по имени своего вождя Сельджука *сельджукским*, вторглось в Багдадский халифат в начале XI в. Немногочисленные, но сплоченные военные силы сельджуков скоро одолели разбеденных враждой мусульманских властителей в Западной Азии. В то время, когда альморавиды с успехом распространяли магометанскую веру в Западной Африке, сельджуки основали свои султанаты в Сирии и Малой Азии. После того как их глава, султан *Алп-Арслан*, нанес тяжкое поражение греческому императору Роману Диогену в 1071 г. в Армении, близ Манцикерта, сельджуки стали владыками Малой Азии, и *Святая земля — Палестина* тоже оказалась в их руках. Сам император был взят ими в плен, и его преемник Михаил VII обратился за помощью к папе Григорию VII, суля ему в будущем в виде награды воссоединение восточной и западной церкви.

Положение дел на Востоке. Сельджуки.

Дела на Востоке служили возбуждению умов на Западе. Паломничества к *Гробу Господню* и другим святыням никогда не прекращались на Западе. Люди, не удовлетворявшиеся обетом странствования к Сантьяго-де-Компостелла или в Рим, к гробницам апостолов Петра и Павла, находили успокоение своей совести и утоляли жажду духовного подвига, странствуя на поклонение Святой земле. Под влиянием известных идей число этих странников с раковинами, нашитыми на шапке, и пилигримскими посохами в руках росло. В громадной процессии, двинувшейся в Палестину в 1064 г. вслед за архиепископом Зигфридом Майнцским, желавшим искупить свою лицемерную, греховную жизнь таким покаянием, насчитывалось не менее 7 тысяч человек. Эти пилигримы молились у Гроба Господня, купались в водах Иордана и приносили с собой, возвращаясь домой, всякие памятные вещицы и реликвии, если бла-

Прежние паломничества.

*Император Роман IV и императрица Евдокия.
Византийская резьба по слоновой кости. XI в. Париж. Национальная библиотека.*

гополучно оканчивали свое долгое и опасное странствование, а не были дорогой ограблены или убиты, что тоже случалось нередко. В целом магометанские владыки Святой земли прежде не препятствовали таким паломничествам, но теперь сельджуки узнали о переговорах, начавшихся между Римом и Константинополем, и переменили в связи с этим свой образ действий: всюду стали доноситься слухи о притеснениях, насилиях и вымогательствах, которым подвергались паломники, шедшие к Гробу Господню.

Григорий VII в беспредельных замыслах своего церковного властолюбия, вовлекшего его в борьбу, которая его погубила, не смог осуществить своего грандиозного замысла о воссоединении обеих церквей и завоевании Святой земли. Напротив, его необузданный союзник, норманнский король Роберт Гискар, вторгся в Византийскую империю именно в то время, когда ее новый император Алексей I из дома Комнинов (Алексей I с 1081 г.) укрепил государство настолько, что снова мог выступать против сельджуков. Попытка Гискара не удалась. Алексей мог с успехом отразить печенегов, но ослабшему государству было не под силу выбить сельджуков из Малой Азии, и поэтому он обратился за помощью к папе *Урбану II*.

Мысль о войне за освобождение святых мест из-под власти неверных давно пустила корни на Западе. Христианство возбраняло братоубийственные столкновения, но стремлениям к резне теперь указывалась более достойная цель. На духовный съезд в Пьяченце (март 1095 г.) прибыли и посланцы Алексея. Присутствующие дали обет отправиться в Константинополь на помощь христианскому монарху. Речь шла прежде всего об этом, именно так впервые воплотилась возвышенная идея. Движение вскоре разрослось настолько, что, когда папа прибыл во Францию и созвал собор в *Клермоне*, на съезд пришли

Крестоносцы в походе; пилигримы и рыцари. Миниатюра из рукописи конца XIII или начала XIV в. «De Passagiis in Terram Sanctam». Венеция.

Ослабление Византии.

Крестоносцы в море.

На одном из кораблей — флаг с навершием в форме креста. Миниатюра из рукописи конца XIII или начала XIV в. «De Passagiis in Terram Sanctam». Венеция.

Урбан II. Съезд в Клермоне.

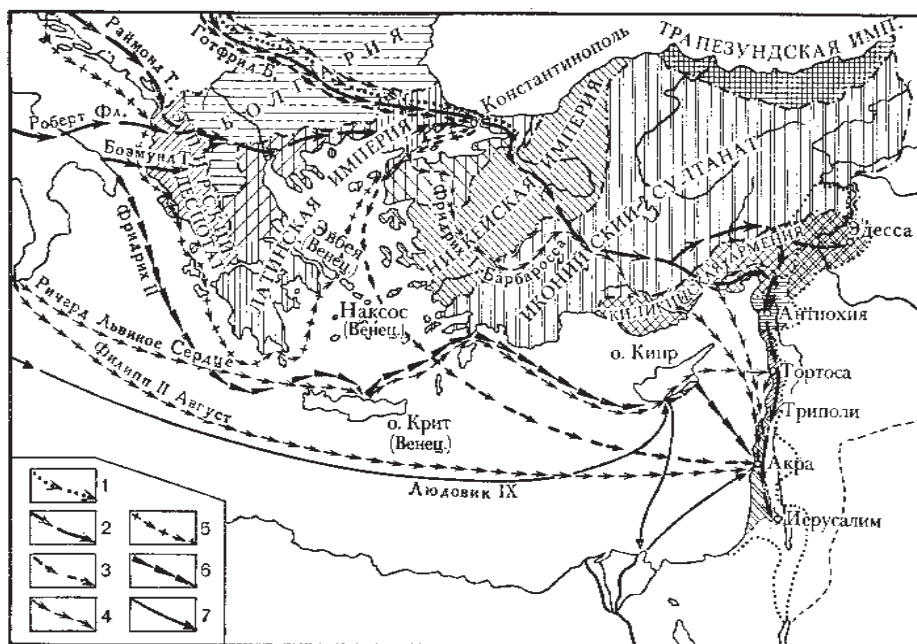
не только духовные сановники, епископы и аббаты, но и миряне высшего и низшего звания. И когда папа Урбан под открытым небом стал говорить об угнетении христиан, тысячи уст единогласно повторили: «Господь того хочет!», — одобряя великое начинание и приступая к его выполнению не только с целью помочь Алексею, но и ради завоевания Иерусалима. По рассказам, многие тут же нашили себе красные кресты на одежду в ознаменование себя воинами Христа; первым из них был епископ *Адемар*, которого Урбан назначил вождем похода, благоразумно воздерживаясь от личного участия в нем.

Агитация в пользу крестового похода.

Среди духовных народных проповедников, распространявших идею похода, особенно выделялся отшельник из амьенской епархии *Петр*, которому легенды приписывают большее участие в движении, чем это было в действительности. Проповеди этих людей были обращены к очень восприимчивым слушателям. Крайне невежественный простой народ, способный на преувеличение из-за суеверий, ожидал всевозможных земных и небесных наград за участие в походе, а церковь не скупилась, обещая смягчение церковных кар. Многие влекли эгоизм и корысть, они грезили захватом сокровищ или власти в завоеванных странах. Особенно популярной мыслью о походе была во Франции, медленнее она созревала в Италии, Испании, Англии и Скандинавии. В Германии к ней относились скептически, даже когда весной 1096 г. беспорядочные толпы поселян и монахов двинулись вдоль Рейна под предводительством двух рыцарей, один из которых многозначительно назывался Вальтер Неимуший. С ними шел и Петр Амьенский, который проповедовал в Кёльне. Возбужденный фанатизм всем своим ужасом обрушился в рейнских городах на евреев, которых тщетно пытались защитить епископы. Предлогом к погрому была версия о том, что они, или их предки, за тысячу лет до этого распяли Спасителя, также они обвинялись в том, что безбожно пользовались нуждой проходивших паломников. Эти беспорядочные полчища неизбежно сталкивались с жителями тех местностей, через которые проходили. Так, одна громадная орда приблизительно в 200 тысяч человек под руководством нескольких дворян вступила в открытую войну с венграми и их королем Кальманом (с 1093 г.), причем она была большей частью уничтожена. Петр Амьенский со своим отрядом численностью около 40 тысяч человек благополучно прибыл в Константинополь. Он хотел дожидаться здесь прибытия более надежного войска, но толпа требовала, чтобы он вел ее в Азию. Там, вступив в неравные битвы с сельджуками, эти несчастные были почти поголовно перебиты или взяты в плен. Сам Петр успел вернуться в Константинополь. Можно считать, что до выступления в поход настоящего войска погибло более 100 тысяч человек.

Главное войско.

К особенностям этого первого похода принадлежит и то, что в его главе не было ни одного крупного властителя, а немецкий и французский короли в это время находились под гнетом церковного отлучения. Только крупные феодалы собирали вокруг себя вассалов со служилыми людьми. Так действовали во Франции: богатый прованский владетель граф Раймунд Тулузский, граф Гуго Верманда, брат короля Филиппа, Стефан, владетель Блуа и Шартра, герцог Роберт Нормандский, брат английского короля Вильгельма II, и граф

Крестовые походы (XII–XIII вв.).

1 — поход бедноты (1096 г.); путь крестоносцев: 2 — в первом крестовом походе (1096–1099); 3 — во втором крестовом походе (1147–1149); 4 — в третьем крестовом походе (1189–1192); 5 — в четвертом крестовом походе (1202–1204); 6 — в шестом крестовом походе (1228–1229); 7 — в седьмом крестовом походе (1248–1254). Границы государств указаны на начало XIII в., после четвертого крестового похода. (На схеме не указаны пятый и восьмой крестовые походы.)

Роберт Фландрский. Из немцев впереди всех был герцог Нижней Лотарингии с 1089 г. *Готфрид Бульонский* со своими двумя братьями Евстахием и Балдуином. Из Италии пришли два норманнских князя: Боэмунд, сын Роберта Гискара, и его племянник Танкред. Одних этих имен достаточно для доказательства того, что князьями руководило не только религиозное настроение. Норманнские искатели приключений никак не имели в виду борьбу во имя Господа, а с самого начала думали о возможности захвата земель и владений в восточных странах.

Общего предводительства при этом быть не могло. Каждый князь шел со своим войском к Константинополю по удобному для себя пути. Так, лотарингцы с Готфридом следовали по Дунаю, Раймунд с провансальцами через Далмацию, часть французов и норманны из Апулии — морем. Эта слишком обильная помощь привела в затруднение императора Алексея. Он оградил себя от непосредственной опасности, потребовав от главных руководителей вассальной присяги на те земли, которые могли быть ими завоеваны. Наименьшее сопротивление этому оказал тот, на кого можно было менее всего

Вожди крестоносцев под Константинополем.

полагаться — Боэмунд. Самый знатный из полководцев, граф Гуго, тоже не затруднился дать присягу, но Готфрид, прибывший с немцами к Константинополю 23 декабря 1096 г., оказался упорным. После долгих и тщетных переговоров в Страстную пятницу 1097 г. Алексей решительно выступил в бой против лотарингцев и нанес им полное поражение. Герцог покорился этому «Божьему суду», и вслед за ним все прибывшие предводители крестоносцев принесли присягу, за исключением одного Раймунда, в характере которого странно соединялись гордость, монашеское смирение, набожность и алчность. Но и для него была наконец придумана особая формула присяги, которую он согласился принести.

В Малой Азии. Войска, переправившиеся в Малую Азию, имели громадную численность: от 300 до 400 тысяч вооруженных людей. Убыль должна была стать громадной с первых же дней, потому что военные средства того времени не были приспособлены к ведению войн в совершенно чужих землях, при крайней отдаленности от родины и при такой массе людей. Первое наступление было направлено против хорошо укрепленной *Никеи*, главного города *Кылыч-Арслана*, самого могущественного из сельджукских эмиров, или султанов, Малой Азии. При битве в открытом поле западноевропейские рыцари показали свое превосходство, но 20 июня город пал вследствие тайной сделки, благодаря которой византийские войска вошли в него. Обладание этим городом имело громадное значение для Алексея, который вознаградил за него паломников другими богатыми дарами. Спустя десять дней крестоносцы встретились на Дорилейской равнине с большим сельджукским отрядом, собранным Кылыч-Арсланом. И на этот раз победа осталась за христианами. При дальнейшем следовании через Малую Азию они страдали от жары и неорганизованности, но неприятель более их не тревожил. Сельджукская власть еще глубоко не укоренилась и подрывалась раздорами, как и весь мусульманский мир. Естественными союзниками крестоносцев были армяне, поселившиеся между средним Евфратом и Тавром, основав здесь несколько княжеств. Уже в этих местностях начался спор между норманном Танкредом и Балдуином, братом Готфрида. Успев приобрести расположение населения победами над сельджуками, в течение зимы Балдуин вытеснил из Эдессы местного князя и утвердил власть за собою.

Осада Антиохии. 21 октября 1097 г. главная часть войска христиан подошла к хорошо укрепленной и обильно снабженной продовольствием многолюдной *Антиохии*. Но они не только встретили здесь сильные препятствия, но и подверглись большой опасности. Не было единства в начальстве над армией, набранной из людей различных национальностей, в числе которых было множество не подчинявшихся дисциплине бродяг или случайно взявшихся за оружие. Предположение, что главнокомандующим был Готфрид Бульонский, неосновательно; наиболее выдающимся из вождей (но не старшим военачальником или, тем более, единовластным распорядителем военных действий) был *Боэмунд*. Однако осада, хотя и лишенная правильного плана, все же продолжалась, к устью Оронта прибывали новые толпы пилигримов, большей частью на генуэзских и пизанских судах: сметливые судовладельцы и торговцы уже спешили воспользо-

ваться крестоносным движением для своих выгод. Магометанские власти в Багдаде и Каире не думали о том, чтобы выручить город, столь важный для ислама, соединенными силами; один *Кербога*, эмир (атабек) Мосула на Евфрате, двинулся к городу с большим войском. Крестоносцам грозила большая опасность, но Боэмунд завязал отношения с одним армянским ренегатом, жителем Антиохии, и спас своих христианских братьев. Как истый сын Гискара, он заставил их купить это спасение ценой уступки Антиохии ему во владение. Приступив к штурму в месте, условленном им с армянином, и неожиданно для осажденных, 2 июня 1098 г. он завладел городом.

Сельджуки удержали за собой цитадель, находившуюся в южной, возвышенной части города, и когда через несколько дней подошел Кербога со своим многочисленным войском, христиане оказались окружены и в весьма опасном положении. Ради своего спасения многие забывали обеты и спускались за стену на веревках, чтобы очутиться на свободе; но религиозное настроение восторжествовало еще раз. Один человек простого звания по имени Пьер-Бартеlemi заявил своему господину, что ему явился во сне святой Андрей и указал на местонахождение драгоценнейшей реликвии — того самого копья, которым проткнули тело Спасителя. Стали рыть землю в указанном месте и нашли копьё. Общее воодушевление и сознание опасности восстановили согласие между христианами, между тем как в мусульманском лагере

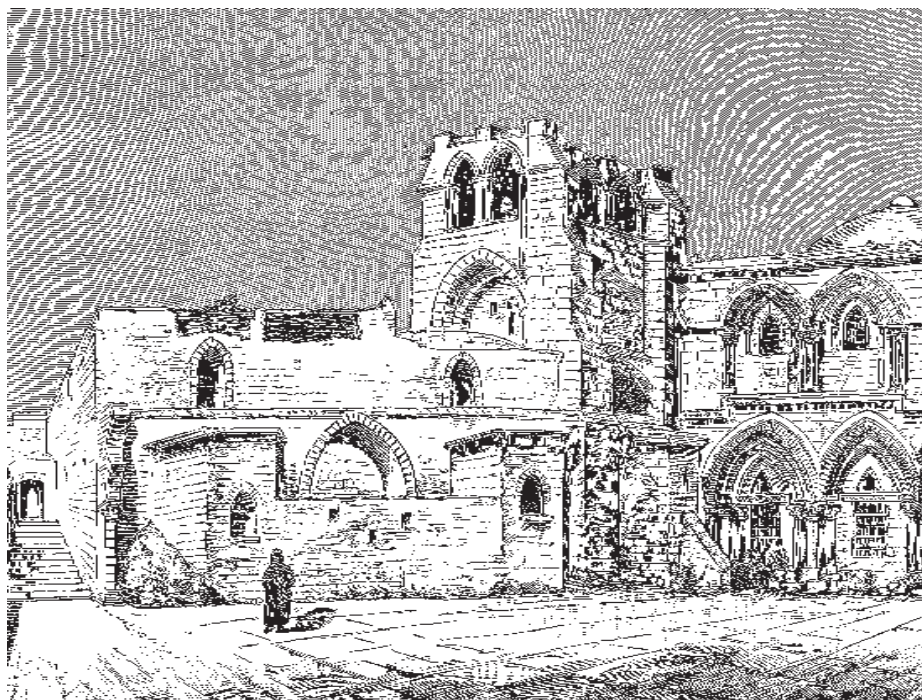
Монета Боэмунда
Антиохийского
(1098–1111).

продолжал господствовать раздор. Подкрепив дух войск всеми средствами, христиане 28 июня произвели большую вылазку, окончившуюся удачей и освобождением осажденного отряда. Но согласие было восстановлено лишь на время; скоро оно нарушилось, особенно при появлении заразной болезни, жертвою которой пал и папский легат Адемар. Начались распри, даже на религиозной почве: норманны препирались с провансальцами, оспаривая подлинность найденного священного копья. Толпа между тем становилась все нетерпеливее, указывая на конечную цель похода — Святой город. Требования ее становились столь грозными, что вожди решились тронуться с места. То же повторилось под *Триполи*, где хотел остановиться граф *Раймунд Тулузский*, чтобы завоевать тут по дороге владение, подобно тому, как его враг Боэмунд взял себе Антиохию. Наконец 7 июня 1099 г. войско достигло высот, с которых открылся вид на Святой город. Здесь вновь произошел общий взрыв восторга: все пали на колени, славя Господа за то, что сподобил их дожить до такой минуты.

Город защищали войска каирского султана из дома Фатимидов под началом султанского визиря. Число способных носить оружие было в христианском лагере уже невелико — около 20 тысяч человек. Первый штурм не удался. Но поблизости оказался лес, предоставивший строительный материал для двух подвижных башен; осадное искусство того времени еще не шло далее средств, оставленных древностью. Генуэзские суда прибыли в Яффскую гавань с нужными приспособлениями и орудиями как раз вовремя. После вооруженного обхода вокруг города для воодушевления воинов 14 июля присту-

**Штурм
Иерусалима.
1099 г.**

пили к новому штурму. 15 числа утром в 9 часов — по другим источникам, после полудня — осаждающим удалось спустить подъемный мост с восточной башни на стену, а в другом месте пробить брешь, благодаря чему ворвались в город с одной стороны Готфрид и его брат, с другой — норманны: Танкред и герцог Роберт, с третьей — провансальцы, воспламененные появлением «небесного борца с Масличной горы». Цель была достигнута, хотя и це-

Храм Гроба Господня (южный портал).

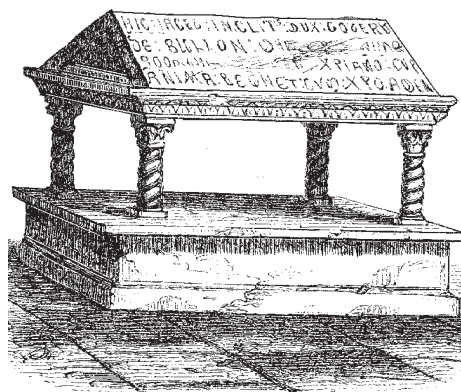
Эта церковь была построена крестоносцами на месте, почитаемом христианами как место погребения Христа. До 1808 г., когда это здание разрушил пожар, оно не претерпевало значительных изменений. После пожара его грубо восстановили греки. В этом состоянии оно и изображено.

ной громадных потерь, и было еще вопросом, стоило ли добывать этот город ценой таких жертв. Победители удовлетворили прежде всего свою жажду мщения, беспощадно истребив во взятом городе все сарацинское население. Описания этого побоища достигают апокалипсического пафоса: «крови было пролито столько, что она доходила до конских удил». Обыкновенно такие отчеты кровавее самой действительности, но, однако, нет сомнения, что здесь в эти минуты совершались ужасы, превосходившие виденное когда-либо на земле, и тем более грустные и позорные, что опьянение фанатизмом ставило их в зас-

лугу людям. Затем воины отмылись от грязи и крови, следов битвы и грабежа и потянулись всей толпой на покаянное поклонение Гробу Господню. Но положение дел требовало немедленного принятия мер для сохранения за собой великого завоевания. Было необходимо учредить здесь правление. Весьма характерно, что духовные лица, бывшие при войске, вполне проникнутые крайним понятием о превосходстве божеского над человеческим и духовно-

го над мирским, — что в то время и в их сословии считалось тождественным, — требовали учреждения церковного государства, избрания *патриарха*. Столь же характерно и то, что светские властители, многие из которых понимали, что важные политические вопросы не решаются одними словами, противились этому предложению и хотели избрать мирского правителя. Но его титул смущал некоторых, и возможно, не одному недалекому графу Раймунду Тулузскому, которому первому была предложена власть, казалось грехом принятие королевского титула и венчание королевской короной в том городе, где терновый венец был возложен на Спасителя. Голоса соединились в пользу заслуженного вождя, вполне благочестивого в духе того времени, достаточно опытного и ловкого в мирских делах и сверх того обладавшего весьма ценным достоинством — не выделяться ни в каком отношении. Таким был *Готфрид Бульонский*. Он принял титул «Охранителя Гроба Господня», причем ему весьма скоро пришлось оправдать это название на деле. Фатимидский губернатор Иерусалима ал-Афдал успел спастись и со значительным числом защитников города собрал подкрепления, в изобилии стекавшиеся к нему при возрастающем возбуждении мусульманского мира, и уже стоял с сильной армией у Аскалона. Сражение произошло под стенами этого города; христиане под предводительством Готфрида одержали полную победу над превосходящими силами неприятеля. Опасность на ближайшее время была устранена.

Но завоевание Святой земли все же было лишь поверхностным и удалось главным образом только благодаря раздорам, волнениям и неустройству мусульманской стороны. Такое же отсутствие единства водворилось и среди победителей, породив целый ряд усобиц и смут, которые тянулись десятилетиями, но были лишены всякого интереса. Значительнейшей позицией христиан было Антиохийское княжество, которое Боэмунд сумел утвердить за собой с большой прозорливостью и твердостью, хотя его старались отнять и соперники-князья, и император Алексей, и сельджукские эмиры. При битве с одним из последних он попал в плен, приблизительно в то время, когда в Иерусалиме умер Готфрид (1100 г.). После его смерти тотчас же возник спор между

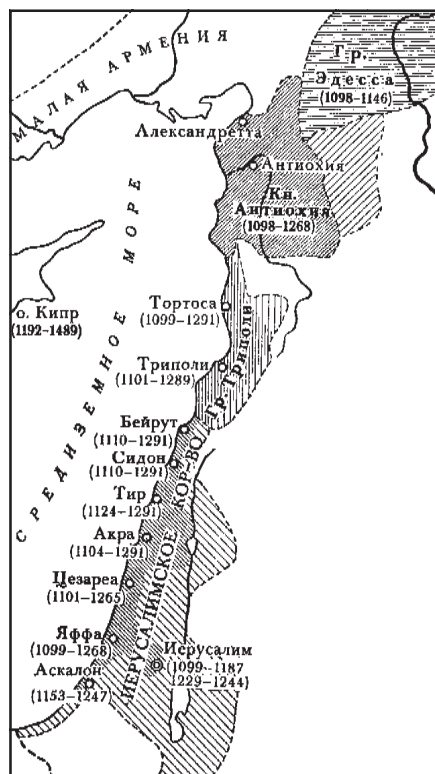

Гробница Готфрида Бульонского.
Храм Гроба Господня в Иерусалиме.

Королев-
ство
Иеруса-
лимское.

духовно-норманнской партией и князем Балдуином Эдесским, братом Готфрида. Будучи избран, *Балдуин* не пренебрег королевским титулом: христианский идеализм первого иерусалимского властителя более не проявлялся в его преемниках. Все уже поняли, что и на Святой земле дела идут, как и на простой, и что здесь смело можно обходиться и без королевского титула.

Плоды победы.

Государства крестоносцев на Ближнем Востоке.

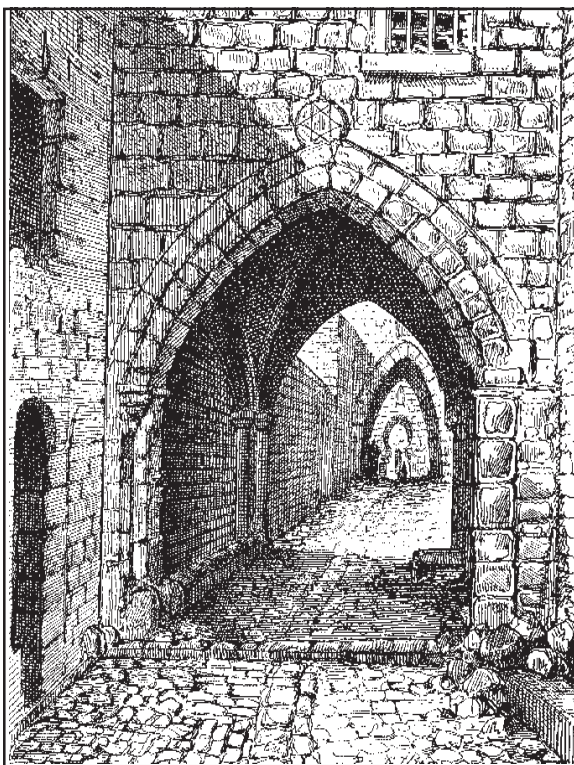
Редкой штриховкой показана территория крестоносных государств в период их наибольшей экспансии (XI–XII вв.); частой штриховкой — в первой половине XIII в.; указаны годы установления и падения власти крестоносцев.

горелась снова. Спорили Танкред Антиохийский и Бертран, сын Раймунда Тулузского, успевший получить княжество Триполитанское в качестве лена от иерусалимской короны. Между тем даже теперь, через 20 лет после взятия Иерусалима, христианским властителям трудно было держаться против все более возрастающего напора магометан.

Успехи, одержанные в 1099 г. и с преувеличениями передаваемые возвращающимися паломниками, всюду на Западе вызывали сильное возбуждение. Громадные полчища ломбардцев, французов и немцев отправились в новый поход, но эти силы разъединились, и хотя прибыли в Малую Азию в числе до 200 тысяч человек и помышляли завоевать Багдад, не смогли даже освободить Бозмунда и погибли в 1101 г. В 1103 г. Бозмунд был освобожден эмиром Сивасским за значительный выкуп и собрал христианское войско, с которым думал взять важный город Харан — древние Карры. Но он потерпел тяжкое поражение. Бозмунд отправился в Италию, оставя в Антиохии Танкреда. Рыцарство всех стран отозвалось на клич славного вождя, возвестившего новый поход с благословения папы Пасхалия; но поход Бозмунда был направлен более против Греческой империи и оказался столь же неудачным, как подобное предприятие его отца в 1085 г. Во время приготовлений к новым предприятиям Бозмунд умер в Апулии в 1111 г. Между тем сельджуки снова вторглись в Малую Азию, император Алексей удержал за собой приобретенное им во время первого крестового похода. Он умер в 1118 г., когда между крестоносцами уже начались междуусобицы: старая рознь между норманнами и провансальцами раз-

Что касалось самого *Иерусалимского королевства*, главнейшего из этих иерархически-рыцарских государств или колоний, то вступление на престол Балдуина I доставило светской власти победу над заносчивостью и безумием клерикальной иерархии. Все надежды нового государства основывались на воинских доблестях короля и его рыцарей, но краеугольного камня благоустройства, определенной национальности, здесь не было. Туземные христиане, пуллане, сурияне, которые должны были служить основой, вовсе не были воинственным и надежным племенем. Между тем рыцарство было немногочисленно: оно насчитывалось лишь сотнями, в лучшем случае, возрастая внезапно до тысяч при новом наплыве паломников, но эти полчища таяли с такой же быстротой, как и возникали. С их помощью удалось оборониться от египтян, но взять столь важную позицию, как Аскалон, все еще было невозможно. В последующие годы паломники прибывали преимущественно морем, на пизанских, генуэзских и венецианских судах, т. к. сухопутные дороги были закрыты: сельджуки еще господствовали в Малой Азии. Колонии переселенцев из малоазийских городов, получившие многие льготы, оказывали некоторую помощь новому королевству; так, в мае 1104 г., король Балдуин сумел захватить порт *Акру*, и христиане теперь владели, по крайней мере, двумя приморскими городами: *Акрой* и *Триполи*. В 1110 г. с помощью норманнских крестоносцев под предводительством короля Сигурда был взят *Сидон*, между тем как мусульмане еще держались в *Тире*. Король Балдуин умер в 1118 г. во время похода против египтян, завлекшего его до самого *Нила*. Без всяких препятствий ему наследовал его племянник граф *Эдесский*, *Балдуин II*, который тотчас же пошел на помощь *Антиохии*, теснимой месопотамскими сельджуками. Дела приняли благоприятный обо-

Судьбы
нового
государства.

Постройки в Триполи (Сирия) времен крестовых походов.

Судьбы нового государства.

рот со смертью самого грозного из сельджукских вождей — эмира Мардинского. Но над всем христианским предприятием тяготела какая-то роковая случайность: в самый разгар успеха Балдуин попал в засаду одному магометанскому отряду. Несмотря на это, в следующем 1124 г. с помощью значительного венецианского флота был захвачен Тир, причем шейх, в руках которого находился Балдуин, выпустил его на свободу, взяв с него клятву

Тамплиер (храмовник) в полном вооружении и орденом плаще. Рисунок XIX в.

выплатить за себя выкупную сумму и не вступать в союз с его, шейха, врагами. Ни Балдуин, ни патриарх Антиохийский не посовестились нарушить эту клятву, и король без всякого стыда поступил совершенно противоположно тому, в чем поклялся. В 1130 г. дела в Палестине обстояли довольно благополучно. Отношения между различными колониями, — Иерусалимом, Триполи, Антиохией и Эдессой были удовлетворительны: оседлое население росло, отношения с Западом приобретали известную правильность, и рыцарская храбрость «франков» производила глубокое впечатление на восточных жителей. Силы христиан объединились также в двух монашески-рыцарских общинах, в высшей степени характерных для этих походов, войн и государств. Общины эти были — орден рыцарей Храма (тамплиеров) и орден госпитальеров, или иоаннитов. Первый из них был основан в 1118 г. несколькими французскими рыцарями, присоеди-

нившими к трем обычным монашеским обетам четвертый: защищать паломников и Святую землю. Король Балдуин отвел этому ордену помещение во дворце возле места, где некогда стоял храм Соломона; вскоре, когда храмовники на вербовали братьев во Франции и заручились покровительством выдающихся лиц, они создали сильную организацию, приняв устав одного из бенедиктинских орденов, и достигли могущества и богатства благодаря привлечению новых членов и приношениям. Они выделялись белыми мантиями с красным крестом. Эта одежда была, впрочем, присвоена только рыцарям, при которых подчиненное положение занимали капелланы и служащая братия, оруженосцы. Во главе этого хорошо организованного «Воинства Гроба Господня» стоял *гроссмейстер*, магистр тамплиеров, который скоро стал занимать влиятельное положение не только в Иерусалиме, но и в мире. Второй орден, госпитальеров, воскресил в духе времени, под влиянием воинственных настроений эпохи, скромное учреждение одного гражданина города Амальфи, основанное им еще до начала крестовых походов для призрения

недужных паломников. Эти рыцари, ухаживавшие за больными в *госпитале святого Иоанна* и носившие черную мантию с белым крестом, включали в круг своих обязанностей борьбу с неверными. Их устав был сколком с устава тамплиеров и тоже утвержден папой. Услуги их оказались необходимы, потому что с 1127 г. поселениям стал угрожать страшный враг в лице нового эмира Мосульского *Имад ад-Дина Зенги*, и после злополучного 1131 г., когда скончались Балдуин II и второй Боэмунд Антиохийский, между владельцами опять возникли разногласия. Королевство наследовал граф Фульк Анжуйский, супруг старшей дочери Балдуина; Антиохия перешла к графу Раймунду де Пуатье, и возможность заключить союз с дамаским эмиром Анаром против Имад ад-Дина стала большим счастьем для христиан. Дела поправились. При Фульке был издан свод государственных законов «*Ассизы* (уложение) королевства Иерусалимского», заглавие и содержание которого говорят о сильном преобладании французского элемента в колониях. Это было ленное государство; во главе его находились король с высшими коронными чинами и феодальное дворянство со своими вассалами; затем шли большие общины двух рыцарских орденов; в некоторых городах жили горожане с дарованными им льготами; повсюду существовало влиятельное духовенство. Среди всего этого сохранялся также древний языческий обычай решать дела «Божьим судом» посредством судебного поединка.

Монета императора Генриха V (1106–1125).

Еще при жизни Фулька это окруженное всевозможными врагами и слабое само по себе государство подверглось новой опасности. Энергичный преемник византийского императора Алексея, его сын *Иоанн* (император с 1118 г.), удачно одержавший верх над своими врагами в Европе, пожелал заявить права ленного владыки в государствах, основанных крестоносцами. В 1137 г. он достиг здесь успеха. В 1142 г. он вновь появился со своей армией. Таково было положение дел, когда умер Фульк (1143 г.). Оно не изменилось со смертью Иоанна, скончавшегося почти одновременно с ним, т. к. младший сын его *Мануил*, провозглашенный войском, унаследовал как воинскую доблесть отца, так и его притязания.

Притензии
Византии.

Из сказанного видно, что завоевания 1099 г. могли удержаться лишь в случае, если бы западные государи приняли под свою защиту все, что было создано здесь, но со своей стороны они оказали весьма посредственную и вялую помощь. Самый могущественный из этих властителей, *Генрих V, король Германии*, с 1106 г. пользовался несправедливо приобретенной им властью. Но если иерархическая, или папистская, партия надеялась найти в нем правителя в своем духе, послушное орудие церковного направления, то она ошиблась. Главным поводом к восстанию Генриха против отца было, вероятно, опасение, что тот, насколько можно было судить по его прежней деятельности, не выкажет достаточного отпора иерархической партии; гнев ее не страшил

Запад.
Генрих V.

его, ему была знакома монета, которой расплачиваются с духовенством. Он был великим мастером на слова и театральные выходки, унаследовал от отца его ум и умел сдерживать свои страсти. Властолюбивый и необщительный, он отлично угадывал людские слабости и с выгодой пользовался этим.

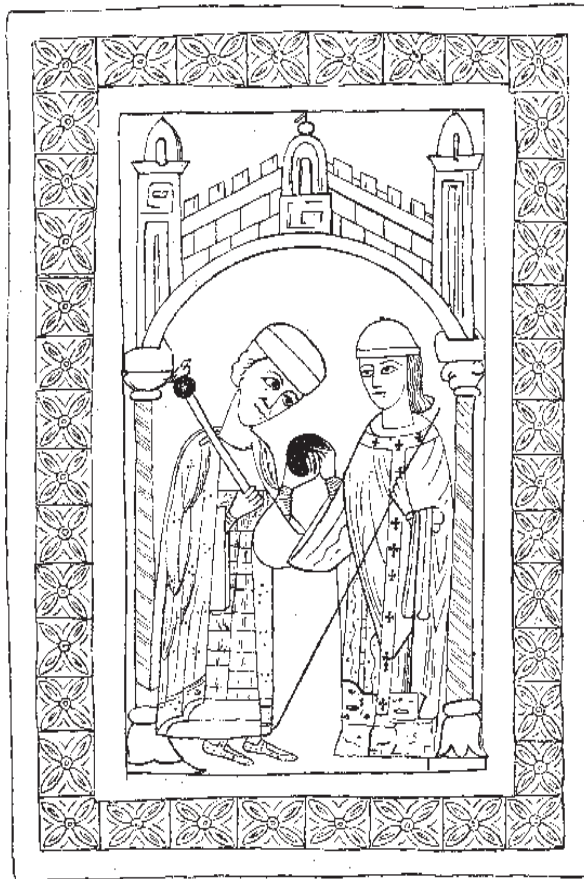
**Вопрос
об инвес-
титуре.**

Злобой дня был вопрос об *инвеститурах*, не разрешенный, а лишь усложненный папой Урбаном через правило, в силу которого ни один клирик не мог состоять в ленной зависимости от мирянина, что было равномерно безусловному уничтожению инвеститур. Генрих V, инвестируя леном избранного епископа, передавал ему по старому обычаю, как вещественные знаки достоинства, посох и перстень, совершая эту церемонию лично или через уполномоченное лицо. Этим обрядом епископ или аббат вводились во владение землями и правами, связанными с ними, принося королю ленную присягу, которая заключала в себе определенные обязательства. По невероятному ослеплению грегорианская партия требовала прав и выгод, сопряженных с духовными должностями, отрицая всякие обязательства со стороны духовенства. Германские епископы и высшее духовенство хорошо понимали, что за уничтожением их ленной зависимости от государей последует и отнятие у них ленных владений и что полная их независимость от мирян сильнее подчинит их савонной иерархии, и в конечном счете папа обратит их в своих мызников, которыми он сможет помыкать по своей прихоти, как они жаловались во времена Григория. На соборе в Труа (1107 г.) папа *Пасхалий II* упрекал германскую паству, что не находит в ней желательного смирения. Но далее идти он не решился, и дело затихло. Переговоры не были прерваны, и отношения между папой и королем оставались сносными. В 1110 г., после не особенно успешных походов на восток, в Польшу, Венгрию и Чехию, Генрих V отправился за Альпы из Регенсбурга, где сообщил князьям о своем намерении. Он вел с собой большое и надежное войско: число рыцарей-вассалов весьма увеличилось при последней войне, и большинство из них в настоящую минуту было без дела. В его свите было несколько ученых мужей (*literati*), т. е. лиц, изучивших правовые вопросы и способных их решать. При Генрихе IV продолжительная война, междоусобная и партийная, — этот могучий учитель, по меткому выражению древнегреческого историка, — научила людей употреблять и такого рода оружие. Генрих вступил в Верхнюю Италию твердо и решительно. Принимали его везде хорошо, и дворянство спешило в его главную квартиру в Парме; сама маркграфиня Матильда выказала преданность короне, в то время как папа привез из поездки в Южную Италию к норманнским князьям одни только словесные заверения от этих старых друзей церкви. Королевские послы встретили в Риме радушный прием; папа оказался совершенно бессильным, но Генрих не скупился на почтительные выражения в отношении к нему. Еще в походе ему были предложены через посредническую церковную партию такие условия папы: он, король, должен был отказаться от инвеституры, взамен чего «церкви отказались бы от своих ленных герцогских, графских, маркграфских прав: вотчинных, таможенных, чекана монеты и всяких привилегий». «Церкви будут довольствоваться лишь десятиной и добротными даяниями», — сказал папа королевским послам.

Если папа хотел вырыть яму королю, что довольно вероятно, предлагая ему такие неисполнимые условия, которые могли перевернуть вверх дном все общественное устройство, то сам попал в эту яму, подготовленную, впрочем, самим существом дела. Генрих принял условия, надлежащие гарантии были

Генрих V
и Пасха-
лий.

выданы, и он вступил в город весело, шумно приветствуемый населением. Венчание его императорской короной должно было произойти по обнаружении договора. Король позаботился, чтобы собор святого Петра охранялся его людьми; по прочтении договора поднялся невообразимый шум, когда до слуха всех дошел акт, который лишил и духовенство, и мирян их достоинства и мог породить полный хаос. Естественное раздражение немецких епископов из свиты Генриха обратилось на папу, и среди поднявшегося смятения была пролита кровь. Папа теперь требовал отмены постановления об инвеституре, король настаивал на коронации в соответствии с договором. Сила была на его стороне, и он решил арестовать папу. Но оставаться долее на опасной римской почве он не хотел и покинул город после кровопролитного дня, увезя папу и нескольких кардиналов. На его стороне были мирские интересы многих, и потому он мог дерзнуть на то, чего не смел ранее сделать ни один король. Пасхалий же не походил на какого-нибудь Григория VII; его осаждали уговорами уступить, а король, как опытный актер, осуществил теперь на деле обещание, данное им в начале царствования тому, кто был теперь его пленником; тогда он обещал чтить церковь, как мать, видеть

Папа Пасхалий II вручает Генриху V императорские регалии.

Миниатюра из хроники 1113 г., написанной Эккехардом из Аураха, — основного источника информации о временах Генриха V, к которому автор, вероятно, был близок. Кембридж.

в папе отца. И поэтому он бросился перед папой на колени, как некогда перед отцом, просил о прощении, клялся ему в покорности, — только бы тот оставил за ним права его предшественников. И папа уступил: каждый епископ или аббат, избранный свободно, без симонии, должен был получать свой лен от короля, и никто не мог быть посвящен до получения королевской инвеституры. Генрих вернулся в Рим с умиротворенным папой, был увенчан императорской короной без дальнейших затруднений и отправился снова в Германию, где в присутствии множества князей и епископов предал земле тело отца в Шпейерском соборе.

Генрих в
Германии.

Печать императрицы
Матильды.

Его власть не оспаривалась; обильный урожай поддерживал в народе хорошее настроение. Но папа старался вернуть то, что было исторгнуто у него хитростью и насилием. Григорианская партия осыпала его упреками, и он на Латеранском соборе, в котором преобладали грегорианцы, отказался от сделанного и признал обязательными для себя декреты его блаженных предшественников, Григория VII и Урбана II. Но на отлучение императора еще не отважились (1112 г.). Князья были раздражены, что Генрих V продолжал политику отца,

сближался с городскими общинами и водворял на Верхнем Рейне, опираясь на города Шпейер, Майнц и др., свою власть тем же способом, как некогда Генрих IV в Саксонии. Началась прежняя игра: князья составили заговор, но злейший из заговорщиков, архиепископ Адальберт Майнцский, попал в руки императора, который успел уже усмирить мятеж, вспыхнувший в Саксонии. Благодаря этому Генрих, празднуя брак с принцессой *Матильдой*, дочерью английского короля Генриха I, в январе 1114 г., уже был окружен блеском законного властителя. На торжестве присутствовали герцоги Баварский, Швабский, Каринтийский, князь Чешский; явился искать императорской милости и герцог Лотарь Саксонский, граф Суплинбургский, которому Генрих дал Саксонию после смерти последнего из Биллунгов, Магнуса, в 1106 г. и который играл весьма недвусмысленную роль в восстании. Но могущество Генриха опиралось на внушаемый им страх и его непримиримость, и граждане сильного города Кельна хорошо знали, что он не забыл их поведения в 1106 г. Сопrotивление, оказанное ими во время императорского похода во Фрисландию, послужило поводом нового княжеского мятежа, причем пламя распространилось по Лотарингии, Вестфалии, Тюрингии, Саксонии. Господствовавшая неразбериха видна из того, что один папский легат, кардинал Куно из Пренесты, позволил себе без папского соизволения провозглашать отлучение императора, разъезжая по Германии, причем эта в некотором роде частная анафема оставляла впечатление. В этой борьбе, охватившей весь север Германии, счастье не благоприятствовало Генриху. В 1115 г. он потерпел поражение при Вельфесгольце, где потерял лучшего из

сподвижников, своего полководца графа Хойера фон Мансфельда. Епископ Хальберштадтский, принадлежавший к числу восставших, довел при этом свою злобу до отказа в погребении павшим сторонникам императора: церковный фанатизм старательно раздувал пламя раздора. Но Генрих был благоразумнее своего отца; он умел ставить если не право против права, то интересы против интересов. Ему удалось не допустить папу принять открытое участие в деле мятежников, и когда в том же году пришла весть о кончине маркграфини Матильды Тосканской, он предоставил борьбу в Германии своим приверженцам, в основном своим родственникам Штауфенам, а сам отправился в Италию с женой, но без войска. Он вступил здесь без проволочек во владение громадным наследством, в котором государственных земель у него никто оспаривать не мог, а все остальное, что могло считаться сомнительным, т. к. не была доказана его принадлежность к государственным землям (ленным или аллодиальным владениям), попадало, по крайней мере временно, под его опеку. Благодаря этому он приобрел средства для вознаграждения за преданность, чем и воспользовался очень широко: с помощью привилегий, дарованных городам, и подарков дворянству он создал себе хотя и недолговечную, но сильную в данное время власть.

Он договорился с папой. Пасхалий, человек совестливый и умеренный, сам был в затруднительном положении, не имея сил справиться с фанатичными грегорианцами, интригами дворян и буйным римским населением. Пребывание его в Риме угрожало ему опасностью, чем ловко воспользовался король. Он сам явился в Рим (1117 г.), ни в чем не уменьшая своих притязаний относительно инвеституры; но спор не кончился и, напротив, на долгое время затянулся, потому что грегорианцы сами по себе не имели власти что-либо сделать, а Пасхалий, которого они никак не могли склонить к новому отлучению Генриха, скончался среди этих запутанных обстоятельств в начале 1118 г., пробыв папой 18 лет. После него был избран *Геласий*, который скрылся от императора; тот стал убеждать его вернуться, давая ему широкие обещания, но папа продолжал прятаться, доказывая, что намерен держаться двусмысленной политики своего предшественника. Тогда Генрих быстро заставил избрать нового папу, который принял имя Григория VIII. Хотя Геласию удалось пробраться в Рим, он не был там в безопасности: ярость партий возросла донельзя, и он бежал во Францию, в которой преобладали грегорианцы. Он вскоре умер (1119 г.), и тогда был избран под именем *Каликста II* жесточайший противник императора, архиепископ Ги

Генрих V
и Каликст.

*Император
в полном парадном облачении.*

Вьеннский, однажды уже отлучивший Генриха собственной властью. Раскол был теперь полный: папы осыпали друг друга и приверженцев противника страшными проклятиями. Следует заметить, что христианская нравственность не очень страдала среди таких распрей, способных смутить совесть. Немногие хранившие истинный завет Христов, далекий от подобных препирательств, остались тем, чем были; основная масса как в знатном, так и в низшем сословии, была не хуже и не лучше под одним знаменем, нежели под другим.

Вормс-
ский кон-
кордат.
1122 г.

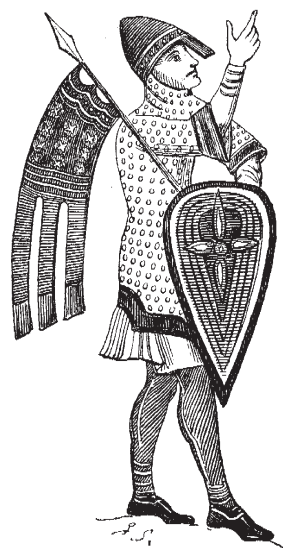
Осенью 1118 г. Генрих вернулся в Германию. Война взволновала страну, всюду происходили разбои и поджоги; впрочем, значительная часть государства: Швабия, Бавария, Верхняя Лотарингия, — остались спокойными. Все жаждали мира, и на многочисленном сейме в Трибуре (1119 г.), в присутствии императора, проявившего лично большое благоразумие и сдержанность, был установлен мир в государстве, но раскол не был устранен, хотя и начались переговоры. В духе, в котором они велись, чувствуется присутствие нового элемента, не чуждого, может быть, вначале и порывистому уму Григория VII, но затем вполне забытого им — это был юридический элемент. Уже почти можно было сговориться, но дело вновь расстроилось по обоюдной нечестности или, во всяком случае, по взаимному недоверию. На Реймском соборе, сулившем водворение мира, Каликст произнес новое церковное отлучение против Генриха V. В Германии опять разгорелась война, однако в 1121 г., когда войска императора и восставших князей и епископов сошлись для решительной битвы у Майнца, князья нашли возможность уладить дело и, пользуясь таким случаем, выступить в роли третейских судей между императором и папой, государством и церковью, короной и тиарой, «*regnum et sacerdotium*», как выражается один источник. Комиссия из князей, по двадцать с каждой стороны, нашла примирительный вариант, согласно которому отправила общую депутацию к папе Каликсту, вернувшемуся из Франции и одержавшему верх над своим противником антипапой (1121 г.). Он отправил легата с примирительными инструкциями, и в *Вормсе*, на большом съезде, который являлся одновременно немецким национальным собором и рейхстагом, было установлено соглашение, к крайнему удовольствию заинтересованных сторон и всей нации. Папа и император издали две грамоты, которыми утверждались взаимно признаваемые за ними права. Император отказывался от всякой инвеституры «посохом и перстнем»; он допускал канонические выборы и свободу посвящения, но эти выборы епископов и аббатов, зависящих непосредственно от государства, должны были происходить в присутствии императора, без всякого принуждения или симонии. Император от скипетра своего жалует избранных коронными землями как ленников, а они несут связанные с этим обязанности. В Германии дарование лена следует за посвящением; в других землях государь дарует лен предварительно. Вместе с тем каждая сторона объявляла мир и полную амнистию приверженцам противной партии. Как видно из этого, религиозное было отделено здесь от мирского, «воздавалось Божие Богови, а кесарево — кесарю». Таков был Вормский конкордат 1122 г., санкционированный и на Латеранском соборе в 1123 г. Каликст умер в декабре 1124 г. в Латеране. Образ его не столь величествен, как

образ Григория, но чище: вормское соглашение положило основу продолжительному господству законности и права, а этому способствовала умеренность, проявленная Каликстом II. Менее удачно он справлялся с силами, противоборствовавшими ему в среде самого духовенства и возбуждавшими крайние смуты в Риме и его окрестностях. Избрание его преемника, Ламберто из Остии, нареченного *Гонорием II*, сопровождалось большими волнениями.

В 1125 г. скончался в Утрехте и Генрих V, проведя свои последние годы в новых распрях с герцогом Лотарем Саксонским, действуя совершенно самостоятельно, поссорясь со своими племянниками, братьями Штауфенами, и замышляя против Франции, к чему его поощряла связь с английским королевским домом. Он умер бездетным, дожив лишь до 40 лет. О его личности и образе жизни сохранилось мало сведений. В посланиях князей перед новым избранием говорится о тяжелом рабстве, которому они подвергались. Генрих действительно был жестким, бесцеремонным правителем, однако, к его чести, нельзя не сказать, что он вел дела необыкновенно умно и с сознательной твердостью, вследствие чего оставил государство в положении, несравненно лучшем против того, в каком принял его.

При обзоре развития Германии в течение того столетия, в которое власть принадлежала королям *Салического дома*, виден не поколебленным еще в теории принцип всемирного господства германской короны. За политическую аксиому было принято, что германский король должен быть одновременно и *римским императором* и что прочие государи и страны должны находиться в своего рода подчинении у этого короля-императора. Но фактически императорская власть, когда она присоединила Бургундию, ничего не значила во Франции и в Англии; Венгрия тоже была почти независимой; Чехия и Польша стали, по меньшей мере, самостоятельнее после смерти Генриха V, нежели были при воцарении Конрада II. В Германии и Италии могущество императора теоретически было велико, и блеск его усиливался вследствие вновь наступившего главенства римского кодекса и завершения церковного спора, очень важного для короны (*regnum*), для мирской власти, хотя бы в том отношении, что им было установлено более разумное отделение светского элемента от духовного в положении высших церковных сановников, нежели было возможно при прежних безграничных притязаниях Григория. Устранить эти притязания навсегда было невозможно по самой естественности — или неестественности — положения, которое приписывалось духовному званию по понятиям той эпохи: вознося духовных лиц выше всего человечества, люди заставляли большинство их, не доросшее до требуемых от них идеалов, искать удовлетворения во вла-

Кончина
Генриха.

Обзор
периода
господства
Салического
дома.

Немецкий воин XII в. По миниатюре из немецкой рукописи XII в.

сти и богатстве — стремлениях, которые не становились чище от того, что прикрывались великим именем церкви. Внутреннее благоустройство государства в этот период упрочилось. При упоминании о войнах и боевом кличе не следует представлять себе всегда громадные воинские полчища. Когда в государстве наступал всеобщий мир, то «мир Господень» и тот, который поддерживали в своих отдельных владениях вельможи, графы, герцоги, епископы или города ради собственных выгод, способствовал промышленной деятельности народа. Всюду крепло чувство родины, сознание общности германского отечества, которое лишь усиливалось от странствий в чужие земли и паломничества в Рим. Один из летописцев XI столетия, епископ Адемар Мерзбургский, пишет об императоре Генрихе II: «Он одолел трудности альпийского перехода и снова узрел наши поля, которые улыбаются ему приветливее, потому что воздух и люди той чужой страны нам не по сердцу. В Римской области и Ломбардии слишком преобладают хитрость и коварство. Всех прибывающих туда встречают нелюбезно; за все, что требуется иностранцу, надо платить, да еще опасаться, как бы не обманули».

Государ-
ственный
строй.

Внутренний распорядок был явно аристократическим. Во главе общества стоял *король* со своим двором, и ему, по крайней мере на словах, воздавались всякие почести. Но серьезным недостатком было то, что королевская власть не привязывалась ни к какому постоянному месту. Она не нашла себе определенной резиденции, так что в Германии не было настоящего центра, главного, стольного города. Старания королей Салического дома установить такую столицу были безуспешны. После короля важнейшими по положению были *духовные сановники*: 6 архиепископов (Майнцский, Кельнский, Трирский, Магдебургский, Бременский, Зальцбургский) и 43 епископа филиальных епархий, существовавших в то время в Германии. Они составляли духовную аристократию, которой было выгодно окончание спора об инвеститурах, поскольку оно делало теперь высшее духовенство более зависимым от папы, нежели от короля, что на первых порах было менее обременительно. Третью ступень занимала *светская знать*, титулованные князья, мирская аристократия: герцоги, маркграфы, пфальцграфы, ландграфы, бургграфы, владельцы обширных поместий и лица, занимавшие высшие административные должности, которые понемногу стали превращаться, за редким исключением, из сменяемых в пожизненные и даже наследственные или почти наследственные. Равным образом графы были уже не правительственными чиновниками, а обладателями почетного титула, образуя одновременно и служилое, и поземельное дворянство. Ниже, на ближайшей ступени, стояли *бароны*, у которых вассалами были владельцы свободных имений, *рыцари* и свободные люди низшего сословия, число которых весьма уменьшилось. В мирской среде происходило решительное отделение *горожан* от *крестьян*; свободные вассалы превращались в королевских слуг: ленные отношения не представляли собой ничего унижительного, относясь к повсеместному общественному укладу и принося законно обеспеченное положение, освященное обычаем. Для освобождения народа открылась новая, хотя и довольно отдаленная еще надежда в развитии *городов*, которые стали приобретать значение именно в период владычества франк-

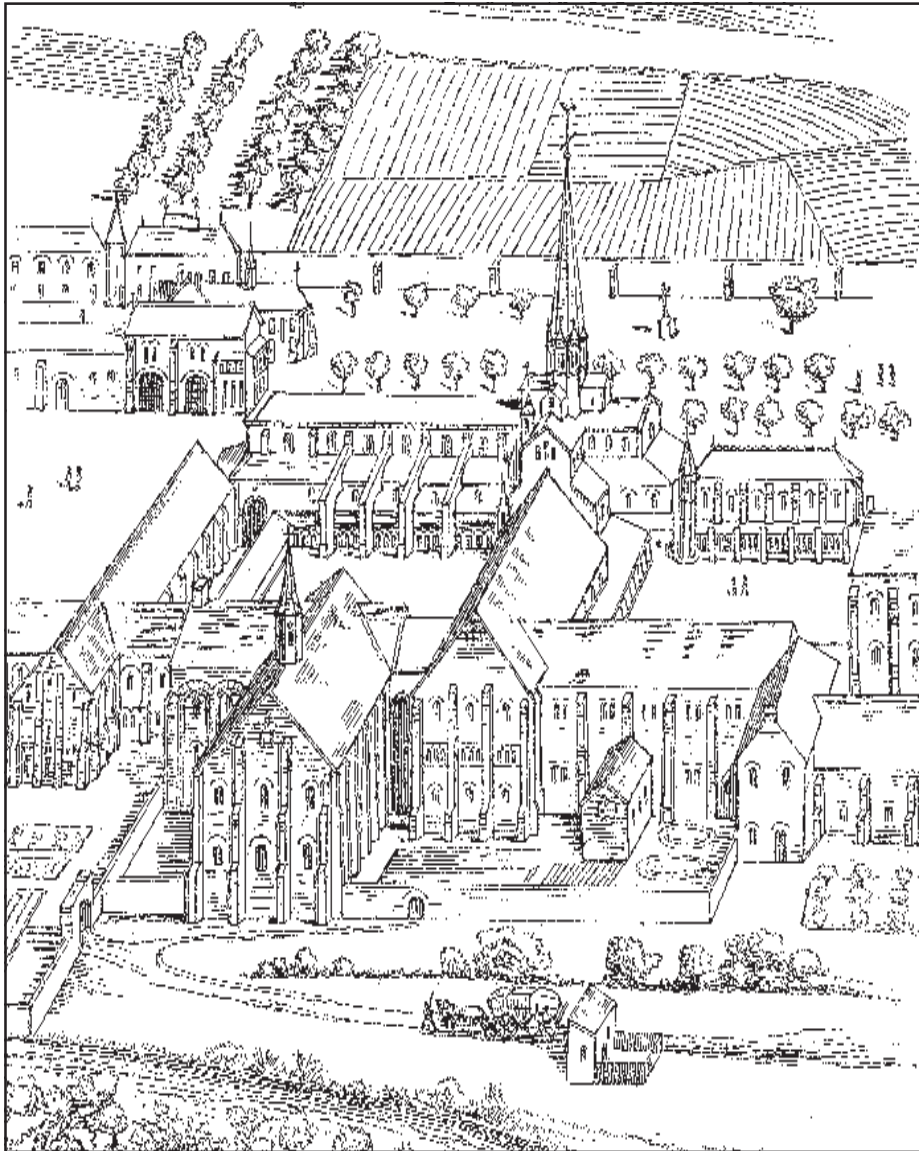
ских государей в Германии. Свободные люди в городах образовали свое дворянство, *патрициат*, против которого несвободные объединялись в *цехи* по своим ремеслам. Городская знать опиралась не столько на земельное владение, сколько на движимое имущество, возраставшая сила которого скоро стала весьма ощутимой, а естественные условия и последствия городской жизни должны были пробудить здесь вновь демократические начала, почти исчезнувшие из остальной немецкой жизни или, по крайней мере, отступившие в ней на задний план.

Аристократический строй отпечатывается на интеллектуальной жизни: все, что можно было назвать высшим образованием, было связано с изучением латыни, и забота об этом образовании всецело лежала на духовенстве, которое насаждало его преимущественно в аристократических кругах. Франция и завоеванная французами Англия далеко опередили Германию в умственном развитии. Во главе нового богословски догматического направления, шедшего рука об руку с иерархическим, находился, как уже было сказано выше, архиепископ Ансельм Кентерберийский, а во Франции заставил говорить о себе смелый мыслитель Пьер Абеляр. Наряду с клюнийцами, сила которых как будто истощилась, возникли новые ордена: *картезианский*, получивший свое название от обители близ Гренобля Шартрез (*Cartasia*), и основанный в 1086 г. Бруно Кельнским *цистерцианский* (от обители Сито — *Sistercium*), учрежденный близ Дижона (1098 г.) Они выросли вскоре в большую конгрегацию, подобную клюнийской, но превосходившую ее и нашедшую себе в лице одного бургундского дворянина, молодого *Бернара*, аббата в *Клерво*, вождя, о громадном влиянии которого будет сказано впоследствии (аббатствовал с 1115 г.). Был еще основан орден *премонстрантов* неким регентом хора из Ксантена, Норбертом, который жил в одном округе близ Лана, потом был избран в архиепископы Магдебургские и внес здесь большой вклад в дело обращения вендов, еще мало подвинувшееся вперед. Собственно общественная жизнь тоже была очень развита в Южной Франции. Искусство странствующих певцов и музыкантов, встретивших плохой прием в Германии на свадьбе Генриха III и имевших столкновение с полицией, нашло покровителей в высших рыцарских кругах и облагородилось. Поэзия, процветавшая на юге и на севере Франции, стихотворные рассказы, эпические поэмы о Карле Великом и короле Артуре исходили от мирян и производили сильное воздействие на светский мир, хотя, может быть, не одному клюнийскому монаху приходилось приносить покаяние в том, что он усвоил кое-что из этой поэзии в минуту искушения.

Нечто подобное началось и в Германии. Песни и рассказы, которыми мог тешиться здесь народ, совершенно исчезли, но, во всяком случае, умственная жизнь была небогата: древнейший роман *«Руодлиб»*, произведение весьма посредственное, написан по-латыни. Причину в таком отставании Германии можно видеть в позиции изолированности, которую волей судеб занял немецкий народ. Влечение к поэтическим созданиям могло быть внедрено только крестовыми походами, которые, сближая европейские нации путем бесчисленных отношений между людьми, должны были пробудить своеобразие ума и

Интеллектуальная жизнь Европы.

Причины культурного отставания Германии.

Аббатство Сито в XIII в. Реконструкция Виолле-ле-Дюка по эстампу из Национальной библиотеки в Париже.

Слева от церкви изображена гостиница; перед церковью — два монастыря, окруженные жилищами монахов; на первом плане — монастырские сады и крепостная стена.

творческих сил у различных народов. Но немцы мало участия приняли в движении крестовых походов и, видимо, не скоро намеревались наверстывать потерянное время. Борьба, происходившая у них уже полвека, не исчерпала еще всех вариантов и возможностей исхода.

После того как последний император Салического дома был похоронен в Шпейерском соборе, славном создании его предков, именованные князья империи были созваны на день святого Варфоломея в Майнц для избрания нового короля. В народе не сомневались, что выбор падет на старшего из племянников покойного короля, *герцога Фридриха Швабского*, человека в самом цвете мужества, — ему было 35 лет, — одаренного многими личными достоинствами и имевшего значительные семейные связи: он был женат на дочери герцога Баварского Генриха. Дом его укрепил и распространил свою власть в юго-западной Германии: приобретая город за городом, поместье за поместьем, он завладел всеми верхнерейнскими землями через служилых людей и вассалов. По-видимому, и сам Фридрих не сомневался в своем избрании; однако на майнцском съезде одержала верх клерикальная интрига, нити которой сплетал архиепископ Майнцский Адальберт. Фридрих узнал о ней слишком поздно или, может быть, был не в состоянии разрушить ее, и в король был выбран *герцог Лотарь Саксонский*, исстари враждовавший с Генрихом V; его можно назвать главою партии святого Петра в Германии. Вероятно, он сам охотно уклонился бы от тяжелой германской короны: ему было уже под шестьдесят лет, и он пользовался в Саксонии такой властью, какая не выпадала ни на чью долю со времен Оттона. Выгодный брачный союз с Рихендой, внучкой Оттона Нордхаймского, послужил основой для счастья незначительного графа Суплинбургского, который оказался достойным его и пользовался разумно и твердо всеми обстоятельствами: в то время как Штауфены приобрели на юге почти королевскую власть, Лотарь сумел достигнуть того же здесь, на северо-востоке, после того как вымер род Биллунгов. Он короновался в Аахене и, как истый сын церкви, отправил послов в Рим, чтобы подтвердить свое избрание благословением Божиим. Однако, желая править и охранять свою власть в мире с церковью, он не хотел служить слепым орудием клерикальной партии, будучи достаточно честолюбивым и отнюдь не ординарным человеком.

Штауфены примирились с совершившимся фактом и изъявили покорность новому королю. Но раздор не замедлил возникнуть. Лотарь знал, где найти против них союзника, знал и цену, за какую его можно приобрести: он обручил свою единственную дочь Гертруду, 12-летнюю девочку, с молодым *герцогом Генрихом Баварским*, вступившим на престол после смерти отца в 1126 г. Таким образом он заключил тесную связь с *Вельфским домом*, который, в свою очередь, видел в этом блестящую будущность. Относительно наследства Салической династии существовал спор, или юридическое разногласие, по вопросу о том, что должно считаться государственным достоянием и что — частным уделом, — а герцог Фридрих, вступивший без околичностей во владение этим наследством, не соглашался подчиниться произнесенному против него приговору. Этот приговор был вынесен на госларском рейхстаге в 1126 г.;

Избрание
Лотаря.
1125 г.

Лотарь и
Штауфены.

приведение его в исполнение совершилось не столь скоро. Прежде всего Лотарь потерпел неудачу в походе против чехов, избравших себе нежеланного ему князя: саксонские войска, выставленные против этого князя *Собеслава*, понесли решительное поражение в Кульмской долине, что повергло в уныние всю Саксонию. С Собеславом скоро было заключено соглашение, и он стал деятельным пособником Лотаря в борьбе против Фридриха. Но эта борьба затянулась благодаря стойкости обоих Штауфенов и твердому сопротивлению городов Нюрнберга и Вюрцбурга. Баварский герцог Генрих, доблесть которого не равнялась непомерно честолюбию, — он был прозван «Гордым», — не стяжал здесь особых лавров.

Императорская печать Лотаря Саксонского.

Надпись по кругу: «LOTHARIVS DEI GRATIA IMP(erato)R AVG(ustus)».

Сторонники Штауфенов настолько были смелы, что провозгласили в Нюрнберге в декабре 1127 г. королем младшего брата, *Конрада*, что возбудило ярость всей церковной партии, и собравшиеся вокруг Лотаря епископы ответили на это избрание отлучением Конрада от церкви. Весной 1128 г. Конрад отправился в Италию, где открывались некоторые шансы. Папа Гонорий II подверг его и его брата отлучению, но благодаря старой ненависти Милана к Риму, снова разгоревшейся в то время, главный город Ломбардии открыл перед Конрадом ворота, и миланцы принудили своего архиепископа короновать отлученного в Монце. Но этим успех Конрада и ограничился. Завладеть наследием Матильды или удержать из него то, что удалось захватить, Конраду было не под силу, и в Германии Лотарь одержал верх. Обе главные опоры Штауфенов, города Шпейер и Нюрнберг, после продолжительного сопротивления покорились ему в 1130 г.; Фридрих остался непобежденным лишь у себя в герцогстве, но утвердить короны за Штауфенами ему не удалось.

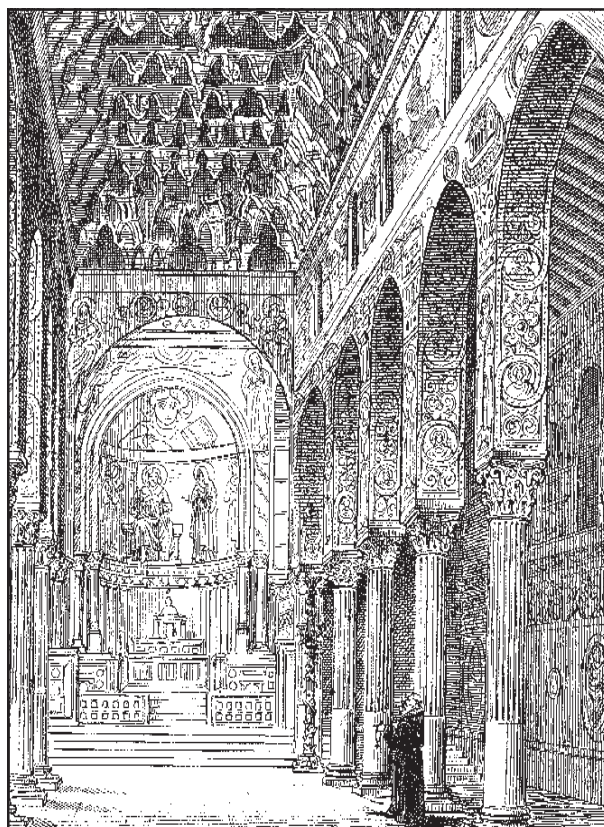
Еще до низложения Штауфенов церковные дела, все более и более усложняясь, заставили короля Лотаря отправиться в Италию. Грегорианцы предались несбыточным надеждам при его воцарении. Они ждали отмены избрания епископов и настоятелей германских монастырей в присутствии короля. Это условие, которым вормский договор налагал узду на клерикальные притязания, было действительно не из легких, и хотя избрание таких лиц королем ограничивалось известными правилами, придворная дипломатия и борьба интересов высших клириков помогли столь многоопытному человеку, как Лотарь, заместить важнейшие места духовными лицами из числа его единомышленников, что доказывает передача столь значительного архиепископства, как Магдебургское, совершенному чужаку, Норберту, основателю премонстрантского ордена. Гонорий II среди своих бедствий, особенно страдая от притяза-

Лотарь в
Италии.

Еще до низложения Штауфенов церковные дела, все более и более усложняясь, заставили короля Лотаря отправиться в Италию. Грегорианцы предались несбыточным надеждам при его воцарении. Они ждали отмены избрания епископов и настоятелей германских монастырей в присутствии короля. Это условие, которым вормский договор налагал узду на клерикальные притязания, было действительно не из легких, и хотя избрание таких лиц королем ограничивалось известными правилами, придворная дипломатия и борьба интересов высших клириков помогли столь многоопытному человеку, как Лотарь, заместить важнейшие места духовными лицами из числа его единомышленников, что доказывает передача столь значительного архиепископства, как Магдебургское, совершенному чужаку, Норберту, основателю премонстрантского ордена. Гонорий II среди своих бедствий, особенно страдая от притяза-

ний молодого графа *Рожера Сицилийского* на герцогство Апулию после кончины герцога Гийома (Вильгельма) II, ожидал Лотаря с нетерпением. Когда Гонорий умер в феврале 1130 г., две спорившие дворянские партии — Фраджипане и Пьерлеони вступили в борьбу, которая кончилась — или скорее началась — тем, что обе стороны избрали в один и тот же день каждая своего папу: *Анаклета II* и *Иннокентия II*.

Пьерлеони одержали верх, и Иннокентий должен был удалиться из Рима. Обе стороны искали благоволения Лотаря, обе предлагали ему императорскую корону, обе решали германские вопросы в его пользу, и выбор между ними был действительно затруднителен вследствие того, что их церковные воззрения не имели различий. Была минута, когда Милан высказался за Анаклета, но Иннокентий при бегстве во Францию успел склонить на свою сторону величайший духовный авторитет этой страны, аббата Бернара Клервоского, и одолел партию Анаклета. Англия приняла сторону Иннокентия; за него же высказался в Германии собор, созванный в Вюрцбурге. Анаклет старался найти себе опору против заальпийских государств в Италии, и потому вполне удовлетворил честолюбивые замыслы норманна Рожера, предоставив ему соединить Апулию, Капую, Неаполь и Сицилию под своей властью в одно королевство, столицей которого Рожер избрал Палермо, приняв на себя обязательство выплачивать лишь умеренную сумму в 600 золотых гульденов святому Петру в качестве его вассала.

Двое пап.

Интерьер дворцовой часовни в Палермо.

Построена в начале XII в. при Рожере II (1129–1154). Причудливо сочетает в себе черты итальянского и арабского искусства: потолок украшен «парусами» на восточный манер.

Сицилийское королевство. Наследие Матильды.

Иннокентий встретился с Лотарем в Льеже, причем король изъявил перед папою все смирение, какое только могло утешить сердце первосвященника, но для поездки в Рим было много препятствий: еще не оконченная борьба со Штауфенами и поход в Данию, во время которого Лотарь достиг от датского короля признания себя *вассалом* (*hominium*). Поездка в Рим смогла быть предпринята лишь в сентябре 1132 г. Она печально началась еще на немецкой земле, что доказывало, насколько эти времена и люди были погружены в варварство, несмотря на христианство и преобладающее положение духовенства. В Аугсбурге незначительная ссора между горожанами и несколькими солдатами привела к беспорядкам и к кровопролитной уличной схватке, сопровождавшейся всякими ужасами и осквернением церквей. В результате город был подвергнут разгневанным королем страшной каре. Впрочем, при Лотаре было немного войска, всего 1,5 тысячи человек, и поэтому дело обошлось довольно умеренно. Иннокентий давно ожидал короля в Италии и вступил с ним в Рим, но Анаклет удерживал часть города по правую сторону Тибра, с замком святого Ангела и собором святого Петра, и требовал от короля нелицеприятного решения о результатах последних выборов. Положение короля было очень выгодным, и если бы папа был прозорлив, он должен был бы понять, что церковные интересы могли только пострадать от дальнейшего умаления королевской власти, потому что от выговоренных в Вормсе условий выиграли лишь светские князья. В сущности, Лотарь прибыл за тем, о чем начал говорить уже в Льеже — за восстановлением своих королевских прав на инвеституру, что ему опять не удалось. Он добился лишь торжественного подтверждения вормского договора: ни один епископ не мог пользоваться коронными землями прежде, нежели был наделен леном «от скипетра» и не «воздал королю подобающего ему». Другим указом папа предоставлял Лотарю аллодиальные владения покойной графини Матильды, но лишь в пожизненное пользование; после его смерти римская церковь вновь вступала в свои имущественные права. Уступка делалась при условии, что король будет выплачивать папе ежегодно 100 фунтов серебра. Таким образом, можно было посмеяться, что император превратился в папского вассала, и на одной позднейшей картине изображено принесение указанной дани. Но дело не было беспричинным: Лотарь находился под влиянием самого усердного защитника церковного верховенства, архиепископа Норберта Магдебургского, и потребовал, чтобы в документе, пространно описывающем императорское коронование, папа говорил, что возносит его на кесарство по наитию святого духа. Это коронование совершилось в Латеране. Получив императорский титул, Лотарь снова покинул Италию без всякого пролития крови, но и не достигнув какого-либо материального или морального успеха, за исключением указанного титула (1133 г.).

Лотарь в Германии. Подчинение Штауфенов.

Однако он все же освободился из довольно униженного положения, в котором находился при избрании и непосредственно вслед за тем, так что теперь, возвратясь в Германию, смог получить полную власть, ощутимую и для ближайших народностей: датчан, венгров, чехов и вендов. В 1134 г., после того как император и его зять, соединив в своих руках могущественнейшие владения — герцогства Саксонию, Баварию, поместья графини Матильды, славянские погра-

Германия и Италия в XII в.

ничные земли и имея таких данников, как Польша и Дания, одержали победу и в Швабии, — Штауфены поняли, что их дело проиграно. Фридрих, изъявивший покорность на рейхстаге в Бамберге (март 1135 г.), встретил в императоре великодушного победителя. В государстве восстановился мир, обстоятельства складывались благоприятно и на рейхстагах, равно как и на княжеских съездах, которые происходили один за другим в Кведлинбурге, Магдебурге, Мерзебурге. Частые посольства, прибывавшие из других государств (даже из Византии

явились посланцы императора Иоанна с жалобами на морские разбои норманнского короля Рожера), явно демонстрировали высокое значение империи и ее главы. В том же году изъявил свою покорность и Конрад, король-самозванец, в Мюльхаузене Эльзасском. Лотарь оставил за ним его владения, как и за Фридрихом княжеское достоинство; оба они только обязывались предоставить войско для похода в Италию.

К этому походу, направленному против норманнов, против сицилийского короля Рожера, делались большие приготовления. В сентябре 1136 г. через Бреннер переправилось сильное, хорошо вооруженное войско. Аббат Бернар Клервоский, о чудесах которого уже было хорошо известно, еще ранее предпринял свой поход против Рожера и покровительствуемого им антипапы. Его активная пропаганда расчистила дорогу императорским войскам, состоявшим из рыцарей, прошедших школу в немецких войнах и превосходивших по мужеству

Христос, благословляющий Рожера II, короля Сицилии (1129–1154). С мозаики в церкви Санта-Мария дель Аммирале (Палермо).

«латинских вояк». Поход был победоносным: германская армия продвинулась на юг далее, чем во времена Оттона. В конце мая Лотарь и состоявший под его началом полководец, его зять Генрих Баварский, прибыли в Бари. Рожер, теснимый с моря пизанским флотом, был окончательно на краю гибели. Он должен был покинуть материк и укрыться на Сицилии. Лотарь не мог преследовать его на острове, ввиду возраставшего недовольства немецких войск, стремившихся к возвращению на родину. Мешало преследованию и несогласие между папой и императором по вопросу о принадлежности апулийского лена, решенное самым странным порядком, а именно: при церемонии передачи лена новому герцогу Райнульфу Алифскому император держал древко, а папа — острие герцогского знамени. Самым значительным приобретением при этом блестящем походе было то, что герцог Генрих Баварский признавался маркграфом Тосканы и получал владения Матильды в лен от папы, следовательно,

Второй поход в Италию.

приобретал громадную силу в Италии, что имело особенный вес для его положения в Германии и в его видах на будущее.

Старый император, как и его войско, желал возвратиться в Германию. Он поразил свою набожность монахов в Монтекассино, у которых прожил неделю, но в Рим уже не заехал: силы его заметно сдавали, так что становилась сомнительной даже возможность добраться до немецкой земли. Это ему удалось, но, прибыв в горную тирольскую деревушку Брайтенванг, старец скончался в простой крестьянской лачужке (*vilissima casa*), после 12-летнего царствования, на 72-м году жизни, в декабре 1137 г. Не было недостатка в епископах для приобщения святых тайн умиравшего благочестивого государя. Знаки королевского достоинства были переданы его зятю, герцогу Генриху. Получил ли он также в лен герцогство Саксонское, как ему было давно обещано, остается сомнительным. Тело императора было предано земле в церкви саксонского городка Кенигслуттер. Царствование Лотаря не было ничтожным. Без сомнения, последний итальянский поход, несмотря на внешний блеск, не принес никакого прочного успеха, не прекратил и раскола, потому что Анаклет умер лишь через год, месяцем позже императора, притом в Риме, а Рожер Сицилийский, вскоре после удаления императора, занял свое прежнее положение на материке. После смерти герцога Райнульфа папа Иннокентий осмелился сам пойти в поход на Рожера, но потерпел неудачу, попал в засаду в 1139 г. и должен был в плену заключить мир, по которому признавал владичество Рожера над Сицилией, Апулией и Капуей, причем тот оставался вассалом папы, что могло оказаться очень неудобным для ленного господина. Успехи Лотаря были прочнее на севере, где он, еще не будучи королем, уже был могущественнейшим из северных князей в качестве герцога Саксонского. Христианство было теперь укреплено в вендских землях на более твердых основах, особенно в Померании, благодаря дружным усилиям епископа Бамбергского Оттона и его усердного сподвижника Болеслава Польского.

Судьба не дала Лотарю сыновей, но он оставил *Генриху*, супругу своей единственной дочери, такое могущество, каким не владел еще ни один государь в немецких землях. Под его властью находились оба больших герцогства, Бавария и Саксония, вместе с величайшими ленными владениями в Италии, при громаднейшей аллодиальной земельной собственности как наследии многих богатых родов. Лотарь всеми силами старался поддерживать связь с церковью при всем своем могуществе. Ей следовало теперь доказать, помнит ли она это и намерена ли уважить его явно выраженную волю о переходе королевской власти к зятю Генриху.

Генрих внушал мало личного расположения к себе, и многие не сочувствовали мысли вручить столь громадную власть такому надменному человеку. Но трудно было бы воспрепятствовать его избранию при тех громадных средствах, какими он располагал, если бы избирательное собрание, созванное в Майнце, состоялось как обычно. Но дело очень ловко повел беззастенчивый архиепископ Адальберон Трирский. Майнская кафедра была еще не занята, и новый кельнский архиепископ еще не получил священной части одеяния, своего омофора. Воспользовавшись этим, Адальберон, сговорившись с папским

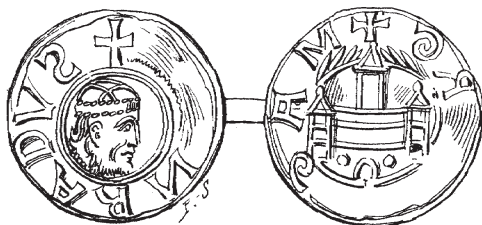
Смерть
Лотаря.
1137 г.

Завещание
Лотаря.

Положение
Генриха
Гордого.

легатом, некоторыми магнатами из штауфенской партии и их кандидатом Конрадом, уже бывшим королем, провозгласил последнего королем на весьма шумной и бесчинной сходке в Кобленце, городе своей епархии в марте 1138 г., и потом поспешно короновал как *Конрада III* в Аахене, в следующее же воскресенье. Таким образом, этот вельфский духовный сановник, родом француз и друг Бернара Клервоского, сумел отстранить, благодаря наглой смелости, кандидата, громадная власть которого могла стать опасной для церкви, и подставил взамен него другого, сравнительно беспомощного и потому не способного стать в независимое положение от духовных властителей.

Избрание
Конрада.
1138 г.

Монета Конрада III (1138–1152).

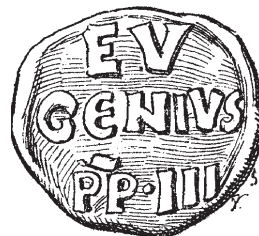
Эго избрание было равно позорно как для пронырливых папистов, которым, согласно их воззрениям, было мало дела до чести германской короны, так и для самого избранника, который пользовался некоторой популярностью вследствие своего открытого, рыцарского, веселого нрава. Но избрание совершилось, и созванный в Бамберге рейхстаг, или княжий съезд, был многолюден. На него прибыла и вдовствующая императрица. Генрих не явился лично, но отдал государственные клейноды, находившиеся в его руках, и вступил в переговоры. Если бы ему удалось удержать за собой Саксонию и Баварию, он остался бы все еще могущественнейшим человеком в государстве из носивших когда-либо корону. Но Конрад понимал это не хуже, чем Вельф, и поэтому передал герцогство Саксонию маркграфу *Альбрехту*, прозванному *Медведем*, чем создал себе союзника, достаточно сильного и значительного для того, чтобы не уступить никому владений.

Война
между
Вельфом
и Вайб-
лингом.

Последствием этого решения была междуусобица в Саксонии, при которой, понятно, страдали и подвластные соседние славянские племена. Король отнял у своего противника — Вельфа и второе его герцогство, Баварию, но тот сам явился в Саксонию и почти всю страну покорил себе. Между тем Конрад вступил в Баварию, назначив это герцогство своему сводному брату, маркграфу Леопольду Австрийскому. Он приготовился к походу в Саксонию и собрал значительное войско. Трирский архиепископ, которому он был обязан своим избранием, прибыл во главе пятисот рыцарей, но до сражения не дошло. Начались переговоры, окончившиеся тем, что саксонцы признали за Конрадом его королевский титул, а сам король удалился из страны, и Генрих остался ее властелином (1139 г.). Но случилось неожиданное: среди своего успеха, находясь в Кведлинбурге, в октябре того же года он умер в 35 лет, едва успев представить саксонским магнатам своего сына Генриха, 10-летнего мальчика. Партия, когда-то боровшаяся против Генриха IV и восставшая теперь против Штауфена как его наследника, все еще держалась крепко; герцогская власть укоренилась в Саксонии, и маркграф Альбрехт не имел успеха. В Южной Германии шла та же борьба — герцог Леопольд, герцог Фридрих и король

бились против Вельфа, брата Генриха Гордого. Он потерпел поражение при местечке Вейнсберг, выдержавшем тогда осаду (1140 г.), которая навсегда останется памятной благодаря знаменитому рассказу, утвердившему за городской горой название «Женская верность» (Weibertreue)¹. Перипетии этой борьбы не представляют интереса. Со смертью Леопольда Австрийского (октябрь 1141 г.) открылся путь к примирению, которое было заключено во Франкфурте в мае 1142 г. Молодой Генрих получил Саксонию, маркграфу Альбрехту были возвращены его прежние владения; Бавария досталась младшему брату Леопольда Генриху, прозванному, в отличие от бесчисленных Генрихов немецкой истории, «Язомирготт» (Ja, so mir Gott), по привычной его поговорке при утверждении чего-либо. Ему отдала свою руку вдова Генриха Гордого, дочь императора Лотаря, еще молодая женщина. Она лично прибыла во Франкфурт, и заседания рейхстага закончились свадьбой.

В продолжение короткого времени Конрад имел немалое влияние на политические события. Он вступил в переговоры с греческим императором Иоанном II о возобновлении союза, заключенного при Лотаре для противодействия сицилийско-норманнскому королю. Из Италии, где паписты и сам Бернар Клервоский не находили теперь достаточно лестных слов для Рожера, которого еще недавно осыпали проклятиями, обращались к Конраду все пострадавшие от таких порядков или опасавшиеся их в будущем. И другие дворы искали его дружбы. С правителями Польши и Венгрии он состоял в родственной связи; молодому чешскому князю Владиславу (с 1140 г.) он оказал большую помощь, быстро отправившись в поход тотчас же после франкфуртских празднеств, благодаря чему Владислав восторжествовал над враждебной партией, угрожавшей его престолу (1142 г.). Но внутренние неурядицы ненадолго были успокоены франкфуртскими переговорами, в которых не участвовало важное лицо: брат Генриха Гордого Вельф. Молодая баварская герцогиня Гертруда, которая могла служить примирительным звеном в этой борьбе, умерла еще в 1143 г. Смута возникла не из-за несогласий между светской и духовной властями: Конрад сохранял хорошие отношения с церковью. Он по мере возможности защищал все обитатели от захватов и насилий, и их собственные нескончаемые препирательства из-за обладания мирскими благами вынуждали их не покидать короля, потому что только у него они могли найти правильное решение спора. В 1143 г. Иннокентию II наследовал *Целестин II*, который призывал германского короля в Рим, нуждаясь в его помощи против опаснейшего из вассалов святого Петра, норманнского короля, в отношении

Печать папы Евгения III (1145–1153).

Примирение и его последствия.

¹ Когда жители Вейнсберга вынуждены были сдать город, победители решили выпустить из него только женщин, дозволив каждой из них вынести на себе то, что у нее было самое дорогое. Пользуясь этим разрешением, женщины вынесли на себе из города своих мужей и таким образом спасли им жизнь. (Авт.)

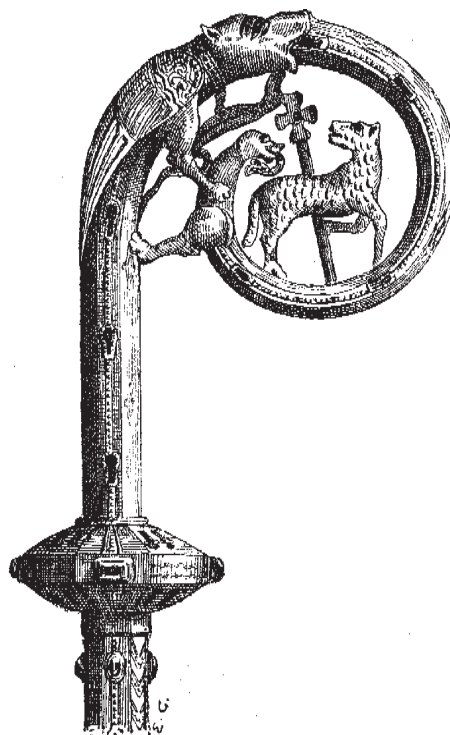
которого новый папа хотел совершенно изменить политику своего предшественника. Умиротворению Германии более всего мешало соперничество главных династических домов, какими были Штауфены, Вельфы, Бабенберги, Церингены с их постоянной взаимной враждой и всевозможными интригами, потрясавшими верховную власть и государственные интересы, хотя носитель этой власти и одержал на время победу над всеми распрями.

События в Италии. Падение Эдессы. Эти события имели воздействие на Италию, еще более, нежели Германия, нуждающуюся в твердой светской власти, и лишенную ее в большей степени. Здесь быстро сменились двое пап: после смерти Луция (февраль 1145 г.) был избран папой аббат одного римского монастыря под именем *Евгения III*, но город был в руках партии, отстаивавшей национальное возрождение; она неожиданно стала требовать восстановления сената — *Senatus populusque romanus*. Во главе этого движения стоял один честолюбивый патриций, Джордано Пьерлеони, и папа, бывший учеником Бернара Клервоского, но не обладавший житейской мудростью своего наставника, должен был не однажды удалиться из Рима перед этим вождем. И вообще, Италия была полна смут и нуждалась в присутствии Конрада. Сверх того, в силу своего договора с греческим императором, он должен был в союзе с ним идти на короля Рожера, но неурядицы в Германии препятствовали какому-либо надежному завершению дел; между тем Западу было еще мало своих собственных осложнений, все мысли обращались на Восток, где дела принимали плохой оборот: в декабре 1144 г., несмотря на геройскую оборону, Эдесса пала и перешла во власть эмира Имад ад-Дина Зенги.

Бернар Клервоский. Весть об этом снова оживила дух, который проявился с такой несокрушимой силой полстолетия тому назад, но потом ослаб. И теперь, как тогда, раньше и сильнее всего он вспыхнул во Франции. Молодой король Людовик VII (с 1136 г.), имевший основательные причины к угрызениям совести и раскаянию, давно помышлял о крестовом походе; папа Евгений, запрошенный им, объявил соизволение на поход. *Святой Бернар*, «прославившийся знаменами и чудесами и чтимый народом в Галлии и Германии за равного апостолам и пророкам», послужил делу всем пылом своего красноречия, влияние которого простерлось далеко за французские пределы. «Внемлите, братья... Се настало время... Се дни спасения... Что делаете вы, герои? Что делаете вы, служители Креста?.. Неужели предадите вы святыню псам, предоставите бисер свиньям?..» В своем восторженном одушевлении он верил, что скоро «исполнятся времена» и языческая власть падет перед царствием Господним. На Рейне проповедовал со своей стороны монах Радульф, ярый фанатик, требовавший истребления евреев, для которых снова наступало тяжелое время. Король и другие благомыслящие правители с трудом охраняли их от гонения, и часто безуспешно. Бернар вскоре сам появился в Германии, осудил выходки Радульфа и принудил непризванного проповедника вернуться в клервоский монастырь. Его собственная проповедь была успешной: он вызвал здесь такое же воодушевление, как и в соседней стране. На рейхстаге в Шпейере, созванном в декабре 1146 г., он совершил то, что сам называл чудом из чудес: произнеся одну из своих могучих проповедей 27 декабря, он осадил

императора Конрада, обратясь в церкви лично к нему. Император, уже исполнивший долг крестоносца в ранней молодости и имевший теперь основательные причины оставаться дома для исполнения своих непосредственных, ближайших обязанностей, не мог, однако, устоять против хорошо рассчитанного выступления и принял крест из рук великого проповедника. Снова настала минута всеобщего одушевления христианского мира одной мыслью, и частные распри затихли, между тем как воины и не воины спешили к указанным сборным местам.

Это предприятие — *второй крестовый поход*, по принятому исчислению (1147–1149) — оказалось совсем неудачным. Огромная немецкая армия из 70 тысяч рыцарей и целых полчищ всякого сброда двинулась из Регенсбурга по старой дунайской дороге через Венгрию. Одни только саксонские властители не приняли участия в походе, разумно сознавая, что могут исполнить свой крестовопоходный обет и поблизости, среди языческих славянских племен: миссионерская деятельность началась здесь всерьез лишь в последние несколько десятков лет. Обстоятельства осложнялись тем, что король Рожер счел данный момент благоприятным для нового нападения на Греческую империю, что побудило греческого императора Мануила заключить мир с сельджуками в Малой Азии. Немцы, вступившие во владения Мануила, были его союзниками, но дисциплина между ними была плоха, войско слишком многочисленно, и он поспешил переправить этот народ, обременительный для страны, в Азию прежде, нежели туда прибыли французы. Войско хотело тотчас же идти вперед, и Конрад, совершенно неспособный вести дело, которое было ему навязано насильно и против которого восставал его разум, а может быть, и его совесть как правителя, не устоял против общего стремления, которому сочувствовал, желая скорее разделаться с неприятной миссией. В Никее часть несогласных идти — 15 тысяч человек — отделилась, главные силы направились той дорогой, которой когда-то шел Готфрид Бульонский, двигаясь медленно, обремененные лишним обозом. В конце октября при До-

Второй крестовый поход. 1147–1149 гг.

Посох аббатов Клервоских. Лиможская работа XII в. Париж. Музей Клюни.

Изготовлен из позолоченной меди; украшен драгоценными камнями. В завитке — фигурка агнца, несущего крест.

В Никее часть несогласных идти — 15 тысяч человек — отделилась, главные силы направились той дорогой, которой когда-то шел Готфрид Бульонский, двигаясь медленно, обремененные лишним обозом. В конце октября при До-

рилее крестоносцы наткнулись на сельджукскую армию, которая утомила франкских рыцарей притворным бегством, потом опрокинула их и разогнала невооруженные полчища, следовавшие за войсками. На военном совете, созванном Конрадом, было решено отступить к морю, чтобы потом перейти в наступление вместе с французами, но когда они дошли до моря, то настоящей армии уже не было, а из тех, кто прибывал в Константинополь, многие возвращались домой. Вышеупомянутые 15 тысяч, при которых находился и епископ *Оттон Фрейзингенский*, летописец, тоже не избежали гибели, и лишь немногие из этого отряда смогли спастись в Сирии после рокового поражения в Памфилии в феврале 1148 г. Между тем к Босфору прибыли французы, выступившие двумя месяцами позже немцев по той же дороге; хотя многие из них хотели немедленно устремиться на Константинополь, но греческому императору удалось войти в мирное соглашение с французским королем Людовиком и благополучно переправить его войска на азиатский берег. Но им, как и немецкому войску, жалкие остатки которого присоединились к ним при Никее, столь же мало благоприятствовала судьба. Под впечатлением рассказов этих несчастных, французы двинулись другой дорогой, берегом, в южном направлении. В Эфесе Конрад заболел и вернулся в Константинополь со своей свитой. Людовик пошел дальше. Близ Лаодикеи, к югу от Верхнего Меандра, он потерпел поражение от сельджуков и отступил к югу, к приморскому городу Аталии. Здесь, воспользовавшись греческими судами, знатные люди, прелаты и бароны, отплыли в Сирию, предоставив простых людей пронырству греческих проводников и проходимцев, которые брались доставить их в Тарс Киликийский. Ни один из них туда не дошел.

Неудав-
шиеся
предпри-
ятия.

Король Людовик со своей супругой Алиенорой и его рыцари достигли Святой земли. Имад ад-Дин Зенги уже погиб насильственной смертью, но его заменили два сына, младший из которых *Нур ад-Дин* оказался замечательным человеком. В марте 1148 г., оправьшись от своей болезни, сюда прибыл и Конрад. Соединив свои силы, оба государя, к которым примкнул юный иерусалимский король Балдуин III, выступили в поход на Дамаск, но вынуждены были вернуться без всякого успеха. Войско их состояло из 50 тысяч человек, но среди этих французов, немцев и иерусалимцев было столько неумения, раздоров и интриг, что предприятие не могло быть удачным. Не удался также второй штурм, сообща направленный против Аскалона. В сентябре 1148 г. король Конрад возвратился через Константинополь в Германию, куда прибыл весной 1149 г. Людовик отправился домой через Италию, где имел свидание с сицилийским королем Рожером и папой Евгением, который с самого начала был недоволен организацией этого крестового похода. Крестовый поход саксонских князей, среди которых находились молодой *Генрих*, по прозвищу *Лев*, и маркграф Альбрехт, не имел особого успеха.

Впечатле-
ние на
Западе.

Постыдный исход второго крестового похода произвел глубокое впечатление на Западе и умалил обаяние клервоского пророка, но тот, с обычным для духовенства самомнением и с сознанием, что вел дело Божье, утешал всех, приписывая неудачу похода, — в которой было повинно в значительной степени его слишком пылкое усердие, не внимавшее никаким доводам благора-

зумия и проникнутое личным самомнением, — только грехам и ошибкам самих участников предприятия. Конрад, действительно, в весьма невыгодном свете выказал свои способности как государь и как военачальник. В горьких суждениях хроникеров о начале предприятия, в их резких указаниях на сомнительные личности, примыкавшие к походу ради весьма нечистых вожделиний, уже сквозит разочарование, произведенное неудачным исходом дела и нанесшее удар церковному идеализму, который выступил здесь в роли слепого, руководящего слепыми. Историк, глубже проникающий в события той эпохи, не может не сравнить воздействие этих неудач на настроения с тем впечатлением, которое было произведено в начале нынешнего столетия отступлением Наполеона из России и страшными катастрофами зимы 1812/13 г.

Конрад немного радостей испытал и по возвращении. Перед своим отъездом на Восток он заставил франкфуртский рейхстаг (март 1147 г.) избрать королем его сына Генриха и учредил правительство, во главе которого были архиепископ Генрих Майнцский и аббат Вибальд из Ставело — опекуны малолетнего принца. Вернувшись, Конрад нашел дела не в лучшем и не в худшем положении, нежели прежде. Его появление расстроило планы графа Вельфа, бывшего в тесном союзе с норманнским королем. Конрад задумал поход в Италию, но его здоровье было сильно расшатано, и он поправился лишь в начале 1150 г. благодаря искусству одного итальянского врача.

Во время сейма, созванного Конрадом в Шпейере, он получил приятное известие о подавлении восстания, задуманного графом Вельфом: молодой король Генрих разбил этого противника при Флохберге, в Швабии. Император горячо принялся за государственные дела, но, спустя несколько месяцев, 13-летний король Генрих внезапно умер, и в государстве возникли новые смуты. Притязания и возраставшее могущество герцога Генриха Льва вызывали все большие опасения, которые затрудняли поездку Конрада в Италию, необходимую ему для получения императорской короны. Герцог Генрих, требовавший у Конрада до его отъезда в крестовый поход утверждения его наследником герцогства Баварии, должен был пока удовлетвориться одним обещанием, но крестовый поход в земли вендов, послуживший для многих лишь поводом к уклонению от продолжительного и с самого начала не обещавшего большой удаче восточного крестового похода, кончился, во всяком случае, благополучнее этого последнего, и ход дела в тех странах увеличил могущество герцога, потому что вендские земли, в которых он пользовался наибольшей властью, были труднодоступны как для императора, так и для папы. Все обращались к нему, и ни один епископ или архиепископ не мог утвердиться здесь вопреки его воле. Его враг и соперник *маркграф Альбрехт*, называвшийся теперь

Печать Людовика VII
(1137–1180).

Возвращение
Конрада.

Могущество
Генриха
Льва.

Бранденбургским по крепости и городу с таким названием, создал себе на средней Эльбе подобное положение, но если он и был первым там, то здесь пользовался лишь второстепенным значением. Генрих возобновил свои притязания, и король созвал княжий сейм в Ульме для решения вопроса в июне 1151 г. Генрих, именовавший уже себя «Божиею милостью герцог Баварский и Саксонский», не явился на это собрание, а вступил в переговоры, вследствие чего летом того же года состоялся новый сейм в Регенсбурге, потом еще один в Вюрцбурге. Генрих все не появлялся, возвратясь из Южной Германии в Саксонию, откуда ему легче было отразить нападение.

Кончина
Конрада III.
1152 г.

Конрад спокойно мог предоставить это нападение многочисленным противникам Вельфа, яростно завидовавшим его неслыханному богатству и могуществу. В ноябре эти враги Генриха съехались в Альтенбург: ландграф Людвиг Тюрингский, Альбрехт Медведь, Конрад, маркграф Майсенский, епископы Хальберштадтский, Хафельбергский, Наумбургский, Минденский, Падерборнский, затем и сам король с несколькими противниками герцога. Король потом занялся приготовлениями к римской поездке. В феврале 1152 г. он, германский король, не имеющий определенной резиденции, созвал князей в Бамберг. Прибыл он туда уже больной и чувствуя, что конец его близок. К его чести, он не подумал о передаче короны своему сыну Фридриху, которому тогда было всего 8 лет, — его, вместе с престолом, он завещал своему племяннику, *герцогу Фридриху Швабскому*, который при существующем положении вещей казался наиболее подходящим преемником. 5 февраля 1152 г. Конрад умер и был погребен в Бамбергском соборе. Его нельзя причислить к выдающимся государям германской истории, хотя в личности его было, видимо, нечто привлекательное. Наверно, ему недоставало монаршей степенности, — не той, впрочем, которую усваивают себе герои на сцене и те, кто им подражает. Он принимал все слишком легко, довольствовался полумерами, не проявлял последовательности и настойчивости в своих действиях, хотя, в сущности, времена были благоприятнее, чем когда-либо, для утверждения державной власти. Он умер в 58-летнем возрасте. Трудно предположить, чтобы ему удалось достигнуть чего-либо, если бы он прожил более.

Серебряный брактеат
Оттона I, маркграфа
Бранденбургского (1170–
1184), сына Альбрехта
Медведя.